

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

и другие

вчера, сегодня

Исторический процесс

М.О. Корабельников

Михаил Корабельников

**Лев Троцкий и другие. Вчера,
сегодня. Исторический процесс**

«Э.РА»

2015

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Корабельников М.

Лев Троцкий и другие. Вчера, сегодня. Исторический процесс /
М. Корабельников — «Э.РА», 2015

Ознакомившись с рядом публикаций самого Троцкого и его отечественных популяризаторов, автор попытался самостоятельно разобраться в феномене этой исторической личности и представить читателю собственное ее видение в ретроспективе революционных и послереволюционных лет. В данном исследовании рассмотрены и другие исторические персонажи и события, проведены параллели с новейшей историей России. Это повествование не только о Льве Троцком – автор затрагивает всю историю России последнего столетия. Книга рассчитана на массового читателя, интересующегося отечественной историей.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

© Корабельников М., 2015
© Э.РА, 2015

Содержание

Вместо предисловия	5
О нашем прошлом и настоящем	5
Титан и тиран	10
Телеверсия личности Льва Троцкого	11
Почему я за это взялся?	14
Разговор с «пушкинистами»	16
Несколько деликатное обстоятельство	18
Часть I	19
Формирование личности	19
Начало	24
1905 год	30
Исход революции и вторая эмиграция	40
«Программа мира»	47
Часть II	50
Февральская революция	50
Троцкий возвращается в Россию	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Корабельников

Лев Троцкий и другие. Вчера, сегодня. Исторический процесс

Вместо предисловия

О нашем прошлом и настоящем

Меня всегда интересовала фигура Льва Троцкого, одного из творцов Октябрьской революции, ставшего изгоем отечественной истории. Но поводом для начала моих изысканий стали несколько телевизионных передач о Троцком, состоявшихся в 2009 году; и в последующем – в том или ином виде – они повторялись. Меня поразили общий настрой этих передач, предвзятость и та концентрированная неприязнь по отношению к их герою, которую демонстрировали участники этих представлений. Когда у нас в России в организованном порядке толпой топчут одного, в то время как жертва по естественным причинам не в состоянии ответить, то есть большая вероятность того, что этот человек чего-то стоит.

Но не только Троцкий сам по себе представляет для меня интерес. Вся революционная эпоха, пережитая Россией в начале XX века, последующая история страны вплоть до настоящего времени, так или иначе связанная с нашими революциями и контрреволюциями, уникальны и поучительны. Можно сказать, что «голубой экран» подвиг меня к проведению собственного расследования некоторых исторических событий и исторических мифов. Это позволило мне в ретроспективе увидеть в дне сегодняшнем некоторые аналогии с днем вчерашним. Я также попытался оценить роль отдельных личностей в истории того времени, разобраться с мотивами их поступков, отдать им должное по справедливости. Однако, все по порядку...

Посмотрев цикл телевизионных передач о Белом движении во время Гражданской войны, я неожиданно для себя обнаружил, что почти все его предводители от генерала Корнилова до казачьего атамана Краснова – благородные патриоты своей родины, мужественные и отважные, и больше нечего к этому добавить. Проиграв большевикам Гражданскую войну, – так уж вышло! – выжившие оказались задвинутыми в эмиграции на задворки Истории. Часть из них из этого состояния извлекла Вторая мировая война, когда в составе победоносной германской армии они продолжили борьбу за освобождение России от ига большевизма. Но не сложилось и на этот раз. В результате чего историческая миссия некоторых из этих героев закончилась на виселице.

В 2009 году был поставлен телесериал о жизнедеятельности одного из лидеров Белого движения – адмирале Колчаке. В фильме любовь главного героя одновременно к двум женщинам возведена на уровень переживаемых исторически событий. Такой подход, отражавший, так сказать, романтическую сторону натуры главного героя, вполне соответствует вкусам современного зрителя, особенно женской аудитории. Я же – сторонник исторического реализма – оказался неудовлетворенным: что же все-таки помешало такому блестящему офицеру и незаурядной личности одержать победу в его борьбе, и в чем причина поражения Белого движения?

Более удачливыми оказались борцы за народное дело по другую сторону фронта Гражданской войны и в последующем – государственные деятели разного калибра страны Советов: такие как Киров, Дзержинский, Микоян, Калинин, или красный полководец Михаил Фрунзе, или, наконец, Буденный и Ворошилов. Телевизионные истории этих героев свидетельствуют о

том, что все они хоть и служили не тому богу, но служили верно, хоть и участвовали в революции, – в которой по нынешним понятиям не следовало участвовать, – и в Гражданской войне, – но не на той стороне, на которой следовало, – тем не менее, были в целом достойными для своего времени людьми, а некоторые даже любимы народом.

Немало было передач и о послевоенных руководителях советского государства Н. С. Хрущеве, Л. И. Брежнев, Ю.А. Андропове – все упомянутые воспринимаются однозначно в положительных тонах. И за дело.

У Хрущева Н. С. хоть и были резкие и не всем понятные зигзаги от разоблачения культа личности Сталина до повсеместного насаждения кукурузы, но генеральную линию по усилению могущества советской Державы он проводил весьма успешно. И, что примечательно, искренне верил в коммунизм, даже взялся предсказать время его наступления. При нем мы всех догоняли, а затем подсчитывали убытки. Его заслуги не были обойдены и в песенном народном творчестве:

*«При нем вспахали целину,
При нем брехали на луну...»*

– И это – святая правда.

Придя к власти в партии и государстве, Никита Сергеевич, прежде всего, уничтожил своего грозного соперника – Лаврентия Берию, обвинив его в шпионаже. Во все времена на Руси это – убойное обвинение. Затем покусился на самое святое для всех советских людей – непогрешимый образ усопшего вождя, возложив на него ответственность за чудовищные преступления против собственного народа. При жизни вождя сам Никита Сергеевич был его верным помощником. Затем он поборолся с «антипартийной группой» бывших соратников, которые намеревались оттеснить его от власти. Сохранил им жизнь, но лишил перспектив. И этот эпизод отечественной истории народ прославил в песне «ФРАКЦИЯ»:

*«Нас не купишь ни водкой, ни золотом,
Уничтожим мы темные силы,
Маленков, Каганович и Молотов
И примкнувший к ним Шипилов...»*

И был назван человек с самой длинной фамилией: им оказался «Примкнувший к ним Шипилов».

Одержав верх над своими соперниками, Никита Сергеевич приступил к строительству коммунизма в отдельно взятой стране. Побывав с визитом в США – цитадели мирового капитализма, он быстро раскусил, в чем состоит секрет процветания аграрного сектора экономики этой мировой державы – он в кукурузе. И страна занялась насаждением кукурузы во всевозможных весах. Затем было дано задание: догнать и перегнать США по производству мяса и молока. Задание вполне конкретное. И, представьте себе, с ним справился партийный «хозяин» Рязани, перерезав весь скот в округе. За это достижение он был высочайше отмечен и награжден. А потом застрелился.

Однако задание построить коммунизм за 20 лет никто не отменял. И это задание было бы, безусловно, выполнено, продержись Н. С. у власти в течение этого времени. Но это не входило в планы выращенных им ближайших соратников, которые безвременно отправили его на покой.

Никита Сергеевич счастливо сочетал в себе государственную мудрость, уберегшую мир от ядерной катастрофы в дни Карибского кризиса, со всевозможными знаниями во всех обла-

стях, включая литературу и искусство. Хоть академий и не кончал. Его любимая песня «о рушнике» стала эталоном музыкального творчества. А его художественные вкусы, подсказанные партийными чиновниками, сказали решительное «нет!» всяким абстракциям и чуждым влияниям на полотнах некоторых художников. И советский художественный авангард вновь убрался в подполье. Несмотря на это, при Никите интеллигенция вздохнула, наконец, в пол-вздоха, а некоторые поверили в социализм с «человеческим лицом». Но вера эта была похоронена Новочеркасским расстрелом...

О сошедшем с «голубого экрана» времени Л. И. Брежнева можно вспоминать как о безвозвратно ушедшем счастливом детстве, растворившемся в тумане истории. Дорогой Леонид Ильич не мучил своих подданных бреднями о построении коммунизма. Он реально стоял на ногах и ограничился только построением общества «развитого социализма», которое через двадцать лет все равно развалилось. При этом старался жить сам и жить давал другим, за что его особенно любили соратники и не пытались занять его место у руля. Л. И. Брежнев был очень скромнен и имел только три увлечения: охота, коллекционирование автомобилей и орде-нов. Последние вешались ему на грудь и в праздники, и в будни. И, как только «иконостас» оказался заполненным, он и отошел в мир иной.

Несмотря на крайнюю занятость государственными делами, Леонид Ильич был знаменитым писателем. Написанные им книги о себе самом в зеркале отечественной истории вся страна читала с придыханием и трепетом; они подлежали обязательному изучению. Книги писались, разумеется, не лично Брежневым – для этого существуют клерки от литературы. Но какое это имеет значение? И правильно делал: после его безвременной кончины никто о нем не написал ни одной книги. Таков был Леонид Ильич, и мы всегда будем вспоминать о нем с сожалением: ни один государственный деятель не подарил нам такого количества анекдотов о себе.

У Юрия Владимировича Андропова были все предпосылки стать не менее, а, возможно, еще более выдающимся руководителем государства, чем его предшественник. Он был всесторонне одарен и даже сочинял стихи. Много лет он возглавлял известную «контору», о которой наш народ приучен говорить шепотом, с оглядкой по сторонам. Став во главе государства по партийной линии, он правил нами недолго, но круто, преследуя цели внедрения единомыслия в головах граждан и неприятия чуждой морали из-за «бугра», а также наводил порядок в государстве, подраспущенный его предшественником. Это запомнилось современникам «шмонами», которые устраивали в магазинах столицы, чтобы выловить зазевавшихся иногородних командировочных, использовавших свое служебное время не по прямому назначению. Но даже такими крутыми мерами не удавалось отбить колбасный запах у покидающих столицу электричек. Надорвавшись от непосильного труда, Ю. В. Андропов безвременно ушел от нас, так и не завершив своей миссии.

Юрий Владимирович отличался еще большей личной скромностью, чем его предшественник у руля государства, если такое вообще возможно. Он был даже аскетичен и, по воспоминаниям соратников, носил свитер с большими заплатами на протертых локтях, демонстрируя свою скромность и непритязательность. А даримые ему подарки сдавал в Гохран, показывая всем пример неподкупности и бескорыстия. И, надо полагать, соратники были ему за это особенно благодарны, в той же мере, как и пример андроповского бескорыстия усвоили все последующие поколения чекистов.

У каждого порядочного джентльмена должна быть своя тайна. Была она и у Юрия Владимировича. Злые языки говорят, – а, возможно, – клеветают! – что его родная мать была не вполне арийского происхождения; более того, она как бы еврейка. Существуют разные версии того, как Андропову удалось выпутаться из этой истории. Но, так или иначе, его карьера состо-

ялась по высшему разряду. Всей своей деятельностью на высоких постах он доказал, что не имеет ничего общего с «этим народцем», и я его вполне реабилитирую.

...Вскоре наступили новые времена, и «железный Феликс» – символ могущества андроповской «конторы» – был свергнут с постаментов на Лубянской площади разбушевавшимися народными массами.

Но затем, перешагнув через смуту в стране, через «лихие девяностые», наступило время стабильности и порядка в государстве, где каждый получает свое, а за все отвечает нефтяная труба. И пришел новый лидер нации. Он явился без суеты и борьбы, «с заднего кирильца», как сказал бы Райкин. Говорил тихо, но доходчиво, знал себе цену, а главное – цену внемлющему ему электорату. Пренебрегая нюансами языка, он выражал свои мысли кратко и лаконично. И мысли эти, типа: «мочить в сортире», «шакалить у посольств», «замучитесь пыль глотать» или «глотать сопли», «поливать поносом» народ тут же разобрал на цитаты. Подобная лексика не принята в иных «весях», она бы их шокировала. Но Запад нам не указ, а для России сойдет. Именно так и должен выражаться российский президент, чтобы быть понятным народом. Он также стал решительно отделять мух от котлет, и народ осознал, кому положены котлеты, а кому и мух достаточно.

Итак, «воссев на троне», лидер нации решил его не оставлять ни при какой погоде. Раньше на Руси правила наследственная монархия. Но цари бывают умные и глупые, сильные и слабые, здоровые и больные. Не все из них реально способны управлять государством. Он же здоров, умен и знает толк в борьбе с татарами. Поэтому вполне способен. Он вечный борец с «олигархом», фамилия у которого начинается на букву Х, а «срок» никогда не кончается. Он дальновиден и патриотичен. Он всенародноизбран. Он один достоин и безальтернативен.

Первым некоронованным российским монархом был Сталин. Он правил долго и жестоко, пролил море крови. Его пример поучителен: наш народ склонен к мазохизму, и чем тяжелее рука «хозяина», тем он более обожаем. Это главный урок российской истории. Конечно, сегодня немыслимо дойти до таких безобразий. Страна уже не так сильна, чтобы без обиняков демонстрировать голый зад всему миру. С другой стороны, если этого вовсе не делать, сочтут за слабость. Друзей нет – одни недруги. Все нам завидуют. Все только и ждут, когда Россия развалится от собственного разложения, чтобы завладеть ее ресурсами. Не дожидетесь, господа. На каждый недружественный шаг с вашей стороны последует наш симметричный ответ. И это счастье, что у страны такой президент.

Он может все: и опуститься в батискафе на дно Байкала и взмыть под облака на дельтаплане во главе журавлиной стаи, и управлять боевым самолетом, а то – и древнюю амфору со дна морского добыть, подобно Ихтиандру. Он запросто общается с опасными хищниками. Журналисты ходят за ним по пятам в ожидании очередного чуда, чтобы сделать его всеобщим достоянием.

Он также запросто отшивает зарубежных журналистов с их вечно провокационными вопросами. Заявит, например, какой-нибудь дошлый корреспондент: мол «в огороде бузина», а он тут же ответит, что «в Киеве дядька». Проявит кто-то озабоченность по поводу преследования в России оппозиции, нарушения прав человека и очередного «закручивания гаек», а он отпаривает, мол, в Соединенных Штатах до сих пор смертная казнь, а у нас на нее мораторий. Зато российские журналисты задают ему только такие вопросы, за которые им деньги платят.

Не лезет за словом в карман спаситель отечества, и всегда он умнее всех. Ибо самый умный в России именно тот, за кем последнее слово. Вот поспорил как-то с Владимиром Владимировичем бывший олигарх на букву «Х», проявил, так сказать, самостоятельность в суждениях и поступках, – наверное, возомнил себя самым умным, – и сидит уже десять лет, мотает второй срок. И будет сидеть вместе со своим подельником на букву «Л», пока не раскается в совершенных преступлениях. Пусть знает, кто на самом деле самый умный. Однако сам он

никого не судит. Боже упаси превысить свои полномочия. Это делают российские судьи, как и положено в цивилизованных странах. Ведь Россия – не какая-нибудь Зимбабве. А что есть высшая квалификация для судьи? Знание законов? – их должен знать каждый студент юрфака. Следование законам? – оставим эти надежды для адвокатов: пусть упражняются в красноречии. В чем состоит высший государственный интерес, выразителем которого является президент, – вот о чем должен догадываться настоящий судья, и притом безо всякой подсказки.

Но он совсем не жесток, наш любимый руководитель. Например, он любит животных. Он может и помиловать. Казнить и миловать – привилегия королей и их тяжкая забота. Можно помиловать преступника, который искренне раскаялся в совершенных преступлениях и решил начать новую жизнь честного человека. Но как можно помиловать того, кто ничего не совершил и при этом даже каяться не желает?

Он занимается спортом, участвует в саммитах, перерезает ленточки, запускает новые предприятия, не доверяя это дело доморощенным специалистам, за нерадивых чиновников разрешает конфликты местного значения... и трудится, трудится, «как раб на галерах». Сегодня за национальным лидером та самая таинственная корпорация, которой, по умолчанию, позволено все – его, так сказать, «альма-матер». С его приходом в Кремль эта контора преобразовалась в акционерное общество по эксплуатации ресурсов России. За ним «стоящая на страже закона» полиция, самая сервильная прокуратура, самый басманный суд и самые прикормленные друзья. За него эта Дума, которая – «не место для дискуссий». Ни у кого больше нет такого парламента. За него российская интеллигенция, получающая награды из его рук. «Если не Он, то кто же?» – вопрошают все.

И с церковью полное взаимопонимание. Он воцерковлен и дружен с самим патриархом. К нему расположен сам Всевышний! И чудесный приход его из полной неизвестности на высший государственный пост, и небывалый рост цен на «черное золото», обеспечивший долларовое изобилие России после череды «дефолтов», пришедших на долю его предшественников у руля – все это звенья одной цепи, и это – глас Божий. А что есть высшая христианская добродетель, если очистить учение от условностей церковного языка? Это любовь к ближнему своему начальству. А власть президента – вообще от Бога, каковой раньше была царская власть.

И, наконец, за ним – господин Чуров, председатель Центральной избирательной комиссии. За заслуги перед отечеством в виде обеспечения «честных и справедливых» выборов в Государственную думу в 2011 и президентских в 2012 годах он получил, – сам же и выбрал из списка наград! – полководческий орден Александра Невского. Кто теперь усомнится в том, что выборы – это тоже поле боя, на котором все позиции должны достаться своим и ни одна – отдана противнику? И в этом отношении господин Чуров вполне заслужил свой полководческий орден.

Итак, констатируем: при нынешнем президенте Россию ждет эра стабильности, порядка и процветания.

Титан и тиран

Нельзя обойти вниманием две исторические фигуры, стоявшие у истоков советского государства: В.И. Ленина и И.В. Сталина. Ленин – лидер партии большевиков и глава первого в мире социалистического государства – своей деятельностью оставил глубокий след в отечественной и мировой истории. О Ленине написано много разного, и взгляды о нем, – как его, так и наших современников, – порой диаметрально противоположны; в наше время превалирует негатив. Но истина не определяется суммой суждений о ней, которые меняются в зависимости от политического климата. Хорош или плох Ленин, он должен быть объективно представлен в наших исторических хрониках как политик и государственный деятель со всеми его достоинствами и недостатками, ибо это часть нашей истории. Но это произойдет, и произойдет ли? очень нескоро.

Личность Сталина в популяризации не нуждается. О нем современникам известно почти все из множества отечественных фильмов, из опубликованных книг, свидетельств очевидцев и т. д. Сегодня фигура Сталина расколола наше общество на два непримиримых лагеря. Для одних он – титан, который возглавил страну в тяжелейший период ее истории, успешно провел индустриализацию, преобразовал «лапотную» Россию в современное развитое государство. Он был вдохновителем и организатором всех наших побед, в том числе – в Великой Отечественной войне. Он навел порядок в стране и обеспечил единство советского народа; он заставил дрожать всех наших недругов и т. д. Для других он – кровавый диктатор и тиран, виновный в гибели многих миллионов людей, расстрелянных, умерших с голоду, сгнивших в лагерях. При нем страна была превращена в сплошную «зону» с колючей проволокой, разделявшей пока еще условно «свободных» граждан и лагерных рабов. Не пришло еще время единомыслия о роли Сталина в отечественной истории и, видимо, не придет никогда.

Телеверсия личности Льва Троцкого

Зато в отношении Льва Троцкого – еще одного лидера революции – все предельно ясно и безоговорочно. Фигура Троцкого попадает в диссонанс со всеми остальными героями революции и строителями советского государства, а наши человеколюбивые историки называют его «демоном революции».

О Троцком я смотрел несколько передач и заметил такую особенность. Участвуют в них на разных каналах, по существу, одни и те же люди, называющие себя историками и писателями – все аккуратно подстриженные, при галстуках, с незамутненным какими-либо сомнениями взором. Все похоже на «птенцов из одного гнезда», если только можно сравнивать историков с птенцами. Видно, что они владеют материалом и хорошо подкованы. Назову их для порядка «истормейкерами» и прошу не путать с «имиджмейкерами», несмотря на то, что очевидная цель подобных передач как раз и состоит в том, чтобы придать бывшему товарищу Троцкому определенный, годный для внутреннего потребления имидж.

В 2009 году по центральным каналам прошли две передачи о Троцком:

– 5.08.09 на канале «Россия»: «Лев Троцкий. Тайна мировой революции»;

– 31.10.09 по НТВ: «Советские биографии. Лев Троцкий». Ведущие: Александр Елисеев, Александр Шишков, Александр Самодуров, Юрий Жуков, Юрий Емельянов и другие.

Какое впечатление оставляют эти передачи о «демоне революции»?

Скажем прямо: всесторонне негативное.

Начну с того, что он в действительности, между нами говоря, вовсе и не Лев Троцкий, а некий Лейба Бронштейн. Фамилию «Троцкий», назвавшись Львом, этот субъект незаслуженно присвоил себе, наблюдая тюремщика с такой же фамилией, когда был посажен за революционную деятельность. Согласитесь, вдумчивый читатель, человек, нареченный родителями именем Лейба и с фамилией Бронштейн никогда бы не стал вождем революции и Наркомом по военным делам, во всяком случае, в России. Вот если бы родители сразу при рождении нарекли его Львом Троцким, тогда совсем другое дело. Что же из этого следует? – а именно то, что и вождем, и Наркомом Троцкий стал незаконно, присвоив себе чужую фамилию. Это все равно, как если бы некто, не имея высшего образования, назвался профессором, что иногда у нас, к сожалению, случается.

Дотошный историк из упомянутого «гнезда» не поленился разыскать на юге России семью настоящих Троцких – человек десять обоего пола и разных возрастов – которые исторически и на законных основаниях носят эту славную фамилию. Все они были крайне возмущены поведением этого самозванца, похитившего у них их честное имя, то есть, фамилию.

Во-вторых, идею «перманентной революции», которая в корне ошибочна, Троцкий позаимствовал у некоего Парвуса – фигуры всесторонне сомнительной и провокационной в русской истории;

В-третьих, он, как только мог, разрушал единство партии и вступал в полемику с самим Лениным, который за это называл его то «иудушкой Троцким», то «политической проституткой», то «подлейшим карьеристом и фракционером». Оспаривать «самого Ленина» – неслыханная дерзость и святотатство. И так будет всегда, невзирая на то, что нынешний Ленин совсем уже не тот великий и святой, каким он был раньше.

В-четвертых, Троцкий постоянно ялся со сторонниками разрушения России и без стеснения жил на их средства. А ведь известно: кто платит, тот и заказывает музыку.

В пятых, шестых и так далее:

– В Париже во время Первой мировой войны Троцкий издавал пораженческую газету, за что был выдворен из Франции.

– Вокруг Ленина и Троцкого, которые уже успели подружиться, постоянно крутились немецкие деньги с целью вывести Россию из войны путем революции. И вообще, не что иное, как именно деньги связывало между собой этих двух во многом несхожих персон, в прошлом – непримиримых противников.

– Секрет успехов Троцкого – в терроре. Свою популярность он потопил в крови расстрелов. Он лично расстрелял четверых матросов из собственной охраны.

– Известное «завещание Ленина», в котором вождь революции критиковал Сталина, скорее всего, фальшивка, придуманная самим Троцким.

Ну и так далее, в том же духе. А еще мы узнаем о том, что:

– в молодости Троцкий интересовался масонством;

– бежав из ссылки, он бросил на произвол судьбы свою первую жену с двумя малолетними дочерьми. Порядочный человек никогда бы так не поступил. Порядочный человек бежал бы, прихватив с собой жену и двух малюток или, на худой конец, остался бы гнить в ссылке – революция подождет. Затем он женился на другой женщине. Все это характеризует Троцкого как многоженца и злостного неплательщика алиментов.

Или вот еще эпизод из области сновидений, непостижимым для меня образом подсмотренный нашими «чекистами». Обитая в конце жизни в приютившей его далекой Мексике, Троцкий страшно боялся за свою жизнь... – с чего бы это вдруг? По ночам ему снились кошмары. Он звал на помощь свою личную охрану – тех самых расстрелянных им матросов, – но тщетно.

Не правда ли, интересная получается картина маслом? Это я о телевизионном образе Льва Троцкого, сочиненном «истормейкерами». А есть еще чисто технические приемы унижить в глазах телезрителей обреченную на осмеяние фигуру. Существуют приемы двух видов. В первом варианте прокручиваются старые кинохроники в ускоренном темпе, без звукового сопровождения. О чем говорит оратор – неизвестно, но при этом все время дергается и усиленно жестикулирует. Так выступления Троцкого (и Ленина тоже) на митингах искусственным образом превращаются в театр марионеток. Во втором варианте артист, «косящийся» под Троцкого, нарочито коверкает его слова на иностранный манер. Тем самым подчеркивается «нерусскость» Троцкого, что само по себе вызывает реакцию отторжения у телевизионной публики.

В обоих вариантах у телезрителя создается негативное представление о вожде революции, и наши затейники от «голубого экрана» используют подобные приемы довольно регулярно. На самом-то деле Троцкий считался одним из лучших митинговых ораторов того времени, и говорил он на правильном русском языке четко, убедительно и без акцента. А если бы это было не так, то едва ли мог быть услышанным народными массами.

Не любит Россия бывшего товарища Троцкого организованной нелюбовью:

– ни как «иудушку Троцкого», дерзнувшего спорить с самим великим Лениным и вечно совавшего палки в колеса нашего бронепоезда, чтобы сбить его с правильного пути;

– ни как «демона революции», организовавшего большевистский Октябрьский переворот;

– ни как жестокого и циничного диктатора, к тому же – инородца, – проливавшего кровь русских людей;

– ни как презренного фракционера, продавшегося иностранным разведкам, чтобы помешать советскому народу строить новую жизнь.

При всех режимах после Ленина советским официозом в организованном порядке населению страны прививалась ненависть к Троцкому и его сторонникам, даже в сравнительно «вегетарианский» период нашей истории – при Хрущеве и Брежневе. В лучшем случае – полное забвение.

После XX съезда КПСС жертвы сталинского террора подлежали реабилитации, за исключением тех, кто сам активно участвовал в терроре. В 1961 году вторая жена Троцкого Наталья

Седова подала прошение о посмертной реабилитации своего мужа. Ей было отказано. Почему же? Ведь совершенно очевидно, что Троцкий был оклеветан сталинским «правосудием». Он никогда не совершал преступлений, в которых его обвиняли. На самом деле, Троцкого и его сторонников, – как и многих противников, – Сталин уничтожил за участие в Октябрьской революции – более значимое, чем участие его самого; в других случаях за то, что слишком много знали. В созвездии многих звезд свет от малой звезды ничтожен. Если же остальные звезды погасить, то малая звезда становится единственной и самой яркой. По этой причине Сталин уничтожил всю «ленинскую гвардию» старых большевиков и остался единственным из «посвященных».

Троцкий не несет ответственности за бесчинства ЧК, никогда не был ничьим шпионом, не участвовал в насильственной коллективизации и «раскулачивании» крестьян, не повинен в «голодоморе», не причастен к репрессиям тридцатых годов, а наоборот – стал одной из жертв репрессий. Так почему же Хрущев его не реабилитировал?

Я убежден: причина в том, что оставались живы, осыпаны правительственными наградами и благоденствовали тысячи чекистов, уничтожавших по приказу Сталина сторонников Троцкого в стране и за рубежом, партийные руководители, принимавшие в этом деле активное, хоть и косвенное, участие. В этом «благородном» деле участвовали и простые советские граждане, без усталости и стеснения доносившие на соседей и сослуживцев. Да и сам Н. С. Хрущев не составил исключения: при жизни Сталина он был образцовым сталинистом и ревностно исполнял «волю партии». Реабилитировать Троцкого в этих условиях все равно, что наступить на горло собственному прошлому, подписать себе, и не только себе, приговор как соучастнику в сталинских преступлениях.

А что в наше время? После десоветизации России, произошедшей в начале девяностых годов, страшная государственная тайна о действительной роли Троцкого в период Октябрьской революции и Гражданской войны перестала быть тайной. Но сам Октябрьский переворот теперь у нас рассматривается как преступное деяние. И, стало быть, Троцкий, наряду с Лениным – все равно преступник, но уже с другой, противоположной стороны: не как предатель революции, а наоборот – как ее организатор. Поэтому не поставят в России памятника Троцкому никогда и ни при каких условиях, даже виртуального.

Почему я за это взялся?

Вот почему я взялся за это дело: хочу разобраться, кем был на самом деле Лев Троцкий и какова его роль в истории.

Каким материалом я располагал? Я прочитал несколько книг о Троцком, изданных после 1990 года, когда писать на эту тему в нашей стране стало возможно, а также ряд публикаций самого Троцкого – небольшую часть его литературного наследия, изданную у нас с опозданием на 80 лет. Я прочитал все, что было мне доступно, и этого достаточно для того, чтобы составить собственное представление об этой личности.

Мною в свое время была прочтена книга Роберта Конквеста «Большой террор» – повествование, охватывающее период времени политических репрессий в СССР, в котором немало внимания уделено так называемым «троцкистам». Книга не для слабонервных, оставляет много впечатлений. Немало я прочел художественной литературы и публицистики о пред- и послереволюционном периоде российской истории. Все это общедоступно, а изданное, начиная с конца 1980-х годов, уже не подвластно пропагандистским клише советского времени и, следовательно, более или менее заслуживает доверия. Кроме того, я уже далеко не молод, кое-что видел своими глазами и воспринял от других.

В нижеследующей истории из-под моего пера биография Троцкого будет представлена, по возможности, кратко и фрагментарно. Более подробные сведения интересующиеся могут найти в опубликованных книгах о Троцком и его самого. Я попытался взглянуть на события начала XX века, связанные с деятельностью Троцкого, с учетом прошедшей истории и реалий сегодняшнего дня. Излагаемый исторический материал будет разбавлен моими собственными суждениями, – иначе и смысла нет затевать это дело: все давно написано до меня, – возможно, недостаточно зрелыми и не вполне объективными. Мое преимущество в том, что писать «в стол», особо не рассчитывая на то, что мои откровения кого-то заинтересуют, можно, не озираясь по сторонам, наплевав на прописные истины. Это моя субъективная оценка людей и событий. Однако подобным субъективизмом я не отличаюсь от других. Всегда, даже в самом «беспристрастном» и «независимом» историческом исследовании можно разглядеть «ослиные уши» собственной позиции автора.

Один из мировоззренческих вопросов, преследующих меня всю жизнь, это вопрос о прошлой революции, ее неизбежности и однозначности, а также о том, возможен ли в принципе социализм «с человеческим лицом»? Возможно, все это утопия, а может быть, что-то в этом есть. Я убежден, что забывать урок, преподанный нам Октябрем, или изображать произошедшее с нами в угоду нынешней конъюнктуре столь же недальновидно, как прятать голову в песок при приближении опасности.

Обратиться к этой теме меня заставили отнюдь не поиски развлечений на склоне лет. Причина намного серьезнее. Россия, в которой я прожил более 70 лет, в которой жили мои предки, очередной раз за последнее столетие оказалась в тупике: политическом, экономическом, социальном и духовном. За это столетие страна пережила революционный подъем, смерч Гражданской войны, мясорубку сталинского террора, опустошительную войну и послевоенную разруху, хрущевскую оттепель, брежневский застой, надежды демократической революции, которые ныне похоронены выстроенной властной вертикалью.

Что же дальше? Куда мы движемся, и движемся ли вообще? Оглядываясь по сторонам, замечаем, как нас обгоняют в развитии гражданского общества развивающиеся и ранее недо развитые страны. Где наша «птица-тройка»? Жизнь пришла в оцепенение и всеобщее созерцательное бездействие. Нет реально действующих лиц, если не считать дельцов, стоящих по обе стороны закона. Куда делись люди, живущие не хлебом единым? Такие, конечно, есть, но их – ничтожное меньшинство. Куда делись личности, способные на Поступок? Одной из подобных

личностей в прошлом, причем яркой личностью, был Лев Троцкий – журналист, революционер и государственный деятель. То, что раньше он был у нас под запретом, и одно упоминание его имени не в общепринятом карикатурном стиле грозило людям потерей карьеры, свободы, а кому – и жизни, что и теперь в изображении Троцкого продолжают традиции давно минувших дней – все это свидетельствует о том, что он остается опасной фигурой для власть предержащих.

Может быть, время революций ушло безвозвратно, но, может быть, оно еще вернется – и мало нам всем не покажется. Революционную ситуацию порождают, прежде всего, «верхи» – своей недальновидностью и недалекостью, своей неадекватностью вызовам времени, своим корыстолюбием и хамством. Зстой и деградация не могут длиться вечно. Это завершится либо дальнейшим распадом России, либо иными потрясениями на новом витке Истории.

Разговор с «пушкинистами»

Как только я взялся за это дело, то был немедленно атакован родственниками.

– Сдался тебе этот Троцкий! – взывали они. – Зачем он тебе нужен? Займись лучше своим здоровьем или, на худой конец, пиши мемуары, если делать нечего.

– Мое здоровье, – отвечал я, – никому не интересно, а мемуары – тем более. Что я – ученый с мировым именем или полярный исследователь, или чей-то тайный советник, на худой конец? А Троцкий – это наша история, преднамеренно забытая.

– Ну и что же, кому он теперь интересен? Сейчас другое время, другие интересы. А та революция проклята и забыта.

– Это я вижу: теперь все только жрут и пьют, знать ничего не желают. А История за это наказывает...

И я стал плести известную байку о том, как человечество наступает на те же грабли, и что потом получается. Однако это не помогло.

– Но почему именно Троцкий, что у нас – нет достойных личностей? Пушкин, Толстой, Достоевский. Да мало ли. вот и пиши о них, если делать нечего!

– О Пушкине уже написано столько, что язык отвалится перечислять. Целая армия пушкинистов, десятки диссертаций, памятники, музеи, полстраны кормится его именем. Почти столько же – и о других корифеях. О Троцком написано мало, противоречиво и лживо. И вообще, нелюбовь к Троцкому – наша национальная традиция. У нас он организовал Октябрьскую революцию, – к ней можно относиться по-разному, но это великое событие; всю Гражданскую войну он был военным министром и председателем Реввоенсовета Республики; Фрунзе сменил его на этом посту только в 1925 году и через полгода умер. Однако Михаил Фрунзе увековечен в памятниках и музеях, а единственный музей Троцкого находится в Мексике.

– Да что ты знаешь о Троцком? Ты был лично знаком с ним или читал его архивы или другие первоисточники? Все сведения о деятельности Троцкого получены тобой из ранее опубликованных материалов! Что ты можешь добавить к этому?

– Если бы я был лично знаком с Троцким, меня бы давно расстреляли. В остальном согласен: ничего нового, тем более – неизвестного о Льве Троцком я не скажу. Значит, буду заниматься плагиатом, как все «пушкинисты». Но отличие все же есть. О Пушкине все ясно и определено. Остаются отдельные нюансы, которые дадут пищу еще не одному поколению соискателей. Троцкий – и в самом деле фигура противоречивая. А мне он интересен именно тем, что олицетворяет собой целую пережитую Россией эпоху революционных потрясений, которые из сегодняшнего далека видятся совсем иначе, чем это было вблизи.

При прочтении материала у меня сами собой возникали аналогии и сравнения с днем сегодняшним. Если бы меня спросили: стоило ли затевать ту революцию ради того, чтобы без малого сто лет оказаться там, где мы теперь находимся, то ответ был бы отрицательным. Но История не заканчивается сегодняшним днем, и о том, что будет завтра, можно только гадать. Одно можно сказать определенно: что есть сегодня, что будет завтра и послезавтра – незримой нитью связано с тем, что было вчера. В частности и по этой причине те революционные потрясения, которые преобразовали Россию и весь мир, вызывают у меня особый интерес. Короче, я за это дело взялся «всерьез и надолго». Однако вскоре был вновь атакован «пушкинистами». И тогда я сказал:

– Кстати! А вы знаете, что Троцкий – потомок Пушкина?

– Какой еще потомок, что ты плетешь? – возмутились «пушкинисты».

– Об этом нам поведал историк и писатель Леонид Млечин, сославшись на Льва Анненского. А тот рассказал такую историю. Короче, дело было так. Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин как-то познакомился с одной молодой полькой. Совместное увлечение поэ-

зией, чтение стихов, возвышенные чувства... от чего и появилось дитя любви мужского пола, нареченное именем Леонтий, которое по просьбе Пушкина воспитывалось в семье Раевских. В зрелом возрасте этот внебрачный сын поэта, в свою очередь, завел роман с одной из кузин вдовы Раевского. И все повторилось: родилось еще одно внебрачное дитя мужского пола. А тогда существовал обычай: незаконнорожденных детей дворян отдавали в надежную, непьющую еврейскую семью.

– А разве такие бывают?

– Не умничай и слушай дальше. Так вот, этот мальчик, внебрачный внук великого русского поэта, нареченный именем Давид и получивший фамилию Бронштейн от приемных родителей, и есть отец будущего революционера. И косвенным доказательством этого являются некоторые признаки, унаследованные Львом Троцким от прадеда: редкие беспричинные обмороки, нервный тик в левом углу рта и, самое главное, владение пером. Правда, Троцкий стихов не сочинял, его поэзия – революция.

– Ну, допустим. А мама Льва Троцкого – тоже подкидыш?

– Нет, она была обычной еврейской барышней из городских мещан.

– А зачем, собственно, Леониду Млечину понадобились эти бредни?

– Он сказал, что в характере Троцкого присутствуют черты великороссов: храбрость, решительность, бескомпромиссность, азарт – все лез на рожон. А евреи наоборот – народ смиренный, компромиссный, осторожный.

– Ничего себе, осторожный! А помнишь демонстрацию в Москве на Красной площади в августе 1968 года против ввода советских войск в Чехословакию?

– Ну и что?

– Они развернули плакат, но их быстренько повязали советские патриоты в штатском, которые случайно оказались поблизости.

– Ну и что?

– Повязали, слегка побили... даже выбили кому-то зубы. А дальше как положено: кого в тюрьму, кого в психушку – все по закону. Потому что время и место демонстрации не были заранее согласованы с властями.

– Допустим, ну и что?

– А то, что из этих восьмерых демонстрантов четверо – евреи.

– Всего-то четверо? Это из двух миллионов душ? Прав Леонид Михайлович, евреи очень осторожный и даже боязливый народ. Но Троцкий – правнук Пушкина. Сейчас у пушкинистов кризис: о современниках поэта все давно писано-переписано, и трудно раскопать что-то еще. Теперь уже рассказывают о предметах, связанных с жизнедеятельностью поэта. Недавно по «телику» была специальная передача о пистолете, из которого Дантес стрелял в Пушкина на дуэли: как попала к Дантесу эта прелестная вещица? А я вам предлагаю живого потомка Пушкина. То есть, не совсем живого, зато настоящего. Итак, колебания в сторону, выбор сделан, Лев Троцкий, – правнук Пушкина – мой герой.

Несколько деликатное обстоятельство

Но прежде всего я хочу прояснить одно деликатное обстоятельство, ибо это все равно пришлось бы сделать по ходу повествования. Почему, спросит читатель, Вас так интересует этот Троцкий, – давно отработанный персонаж прошедшей эпохи? Может быть, это Ваш дальний родственник или соплеменник?

Должен признаться, что в родстве со Львом Троцким ни с какого боку не состою, а вот второе предположение верно: Троцкий – мой соплеменник. И я бы выглядел лицемером, если бы стал отрицать, что мой интерес к Троцкому подогревается еще и этим обстоятельством. Значит ли это, что в своей оценке Льва Троцкого как личности и политической фигуры я буду субъективен? – вполне возможно. И прошу читателя учесть это обстоятельство. А кто не субъективен? Ведь взгляды каждого из нас на окружающий мир концентрированно отражают весь наш жизненный опыт, начиная с родственных и национальных корней, включая наш социальный статус, духовные предпочтения. И, в зависимости от внутренней позиции, у разных людей одни и те же явления, исторические события, их герои, и даже отдельные предметы могут вызывать различную, иногда и прямо противоположную реакцию. Например, для верующего христианина икона Божьей матери есть средоточие святости и надежда на защиту от сил зла, а для атеиста – не более чем объект идолопоклонничества и суеверия.

Далее, будучи соплеменником Троцкого, я не смогу избежать в своем исследовании отражения определенного «еврейского акцента» в событиях революционного и послереволюционного прошлого России. Это как раз то обстоятельство, которое тщательно замалчивалось в советской историографии, а ныне, наоборот – выставляется напоказ определенного рода, скажем, патриотами в своих пропагандистских целях. Если это кого-то шокирует, то ему следует сразу прекратить чтение и заняться полезным для себя делом.

Но должен заметить, что Троцкий, как и другие большевики-евреи – отнюдь не подарок своему народу. Как интернационалисты они были решительными противниками идеи воссоздания еврейского государства в Палестине, и активно противодействовали сионистскому движению в СССР. Они видели решение национального вопроса русского еврейства в рамках советского государства. Последующий запрет на эмиграцию евреев из СССР и постепенная ликвидация их национальных культурных институтов внутри страны обрекало этот народ на ассимиляцию путем растворения в численно превосходящем этносе. В этом плане применительно к еврейскому меньшинству большевики, вернее, те, кто пришел им на смену, отступили от ими же провозглашенного тезиса о праве наций на самоопределение. Во имя великой цели большевики-евреи отреклись от своих национальных корней. Но эта жертва оказалась неоправданной. Ибо та модель общества, которая в итоге была создана в СССР, разительно, – а в отдельных чертах и карикатурно, – отличалась от идеала «самого справедливого» общества, присутствовавшего в их горячих головах. Сами же они, – кому не повезло погибнуть в Гражданской войне, – были почти поголовно истреблены.

Часть I Россия – Европа

Формирование личности

«Познать закономерность совершающегося и найти в этой закономерности свое место – такова первая обязанность революционера. И таково вместе с тем высшее личное удовлетворение, доступное человеку, который не растворяет своих задач в сегодняшнем дне».
Л. Троцкий, «Моя жизнь».

Лев Давидович Троцкий родился 25 октября 1879 года по старому стилю или 7 ноября по новому в деревне Яновка, Херсонской губернии. Это был год возникновения в России террористической организации «Народная Воля», вынесшей смертный приговор «царю-освободителю» Александру II, который был приведен в исполнение 1 марта 1881 года. Факт рождения Л. Троцкого в день свершения в будущем Октябрьской революции лично я случайностью не считаю. По моему мнению, в Истории вообще не бывает случайностей. Сам же Троцкий не придавал этому совпадению никакого значения: «Мистики и пифагорейцы могут из этого делать какие угодно выводы. Сам я заметил это курьезное совпадение только через три года после Октябрьского переворота», – писал он. Не заметить такого совпадения можно только при крайней занятости человека, и это говорит о насыщенности жизни Троцкого событиями более важными, чем собственный день рождения.

«Мое детство, – писал он в книге «Моя жизнь», – не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, поднимающихся из нужды вверх и не желающих останавливаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление».

Отец Троцкого, Бронштейн Давид Леонтьевич, был землевладельцем, – сначала мелким, затем крупным. Он владел более чем 100 десятинами земли и около 200 десятин держал в аренде. Владеть землей в большинстве российских губерний евреям было запрещено, за исключением малонаселенных в то время Херсонской и Екатеринославской губерний, в которых образовалось около сорока еврейских колоний с населением около 25000 душ. Чтобы решить проблему скученности еврейского населения «черты оседлости», царское правительство разрешило переселение евреев «на землю» в пределах указанных губерний и в разной степени поощряло их занятие сельским хозяйством, уравнивая в правах евреев-земледельцев с крестьянами, но – только до 1882 года воцарения в России Александра III.

По ходу изложения позволю себе небольшое отступление, посвященное этой царственной особе. Отношение современников к Александру III было неоднозначным. С одной стороны, он был олицетворением мощи и благоденствия Державы. При нем страна оделась в сеть железных дорог, строительство которых было начато еще при Николае I. Темпы строительства железных дорог, которые были в то время, не снились нашим современникам, несмотря на примитивную, в сравнении с нынешним днем, строительную технику. При нем бурно развивалась промышленность, и аграрная страна шла к капитализму, сокращая свое отставание от Запада. При Александре III Россия ни с кем не воевала. В то же время в общественной жизни

были круто завинчены гайки, ослабленные его предшественником на троне. Общественное развитие России затормозилось.

Подданных российской империи «иудейского вероисповедания» Александр III не любил, что и демонстрировал ужесточением ограничительных законов в отношении этого народа. Приход на царствование Александра III был ознаменован серией еврейских погромов на юге империи, что стало неожиданностью. В то время евреи вели себя тихо, в смутах не участвовали, а участие евреев в организации «Народная Воля» было незначительным и не на первых ролях. Нелюбовь к евреям Александр III передал своему сыну Николаю II – будущему последнему императору России. Впрочем, это – давняя традиция в российских монархических кругах. Подобное, в целом негативное, унижающее национальное и человеческое достоинство отношение царского правительства к этносу, обладавшему большой взрывной силой, послужило, возможно, одной из причин бесславного конца Российской монархии.

В северной столице Александру III был поставлен памятник, призванный символизировать мощь и незыблемость его царствования: на большом камне была установлена массивная скульптура коня, на котором восседала не менее массивная фигура царя в головном уборе. Злые языки этот памятник охарактеризовали следующим образом:

*«Стоит комод,
На комодe бегемот,
На бегемоте идиот,
На идиоте шапка».*

Не жаловала российская интеллигенция – от разночинной до революционной – своих царей-императоров.

Хочу отметить, что по своему социальному статусу и условиям существования Л.Троцкий разительно отличался от подавляющего числа своих соплеменников, проживавших в нужде и несправедливости в западных и южных губерниях в пределах «черты оседлости», что было обусловлено рядом ограничительных и запретительных законов в отношении евреев.

Мать Троцкого, Анна Бронштейн, происходила из городских мещан. Из восьми рожденных детей Лев, – в метриках Лейба, – был пятым; кроме него выжили старшие брат Александр, сестра Елизавета и младшая – Ольга.

Семья выращивала на продажу зерно. У них было крепкое хозяйство, включающее необходимые орудия производства, помещения и подворье, домашний и тягловый скот. Была и мельница, которая работала не только для «экономии», но и на всю округу. В хозяйстве использовался наемный труд.

Первые девять лет Лева почти безвыездно жил в деревне. Для нашего изложения эти годы интереса не представляют. Жизнь в Яновке регулировалась исключительно ритмом земледельческого труда. Все остальное, кроме цен на мировой бирже зерна, казалось безразличным.

Начальное образование по русскому языку, арифметике и библии на древнееврейском Лева получил в местной школе, а в 1888 году его отправили учиться в Одессу. Во время учебы он жил в семье племянника матери Моисея Филипповича Шпенцера, в интеллигентской среде, которая помогла ему достаточно быстро преодолеть деревенские «комплексы» и превратиться в горожанина. Здесь же были заложены основы самодисциплины.

Десятипроцентная норма для евреев в казенных учебных заведениях была введена в 1887 году. Попасть в гимназию, как писал сам Л.Д., было почти невозможно: требовалась протекция или подкуп. Эта норма распространялась и на реальные училища, но наплыв сюда был меньше,

и поэтому шансов попасть больше. Из-за конкурса Лева был зачислен в училище не сразу, а после года посещения подготовительного класса. В реальном училище Лев успевал по всем предметам и считался первым учеником в классе до тех пор, пока не произошел конфликт с преподавателем французского языка, повлекший за собой серьезные последствия. А к чтению он пристрастился еще до поступления в училище, и в дальнейшем любовь к слову, начиная с русской классики, сопровождала его всю жизнь.

Режим в училище, как и в других подобных учебных заведениях России, был жестким, исключавшим какой-либо либерализм в отношениях между преподавателями и учениками. За нарушение дисциплины неизбежно следовали разные виды наказания. В свою очередь, ученики компенсировали свое бесправие тем, что особо отличившемуся в несправедливости, – в их понимании, – преподавателю устраивали «концерт». В момент, когда после окончания урока он направлялся к выходу из класса, вслед ему неслось дружное подвывание всем классом, не разжимая губ, чтобы по виду нельзя было определить, кто участвует в хоре. После одного такого концерта, устроенного «швейцарскому французу» Бюрнанду за несправедливо поставленную единицу ученику – немцу Ваккеру, последовало разбирательство и поиски виновных. По доносу нескольких учеников, включая самого Ваккера, единственным виновным в «подстрекательстве» был назначен Лева Бронштейн. За это он был исключен из второго класса училища, но с правом возвращения в него. Это был «мягкий» вариант исключения. А могли исключить и без права поступления в какое бы то ни было учебное заведение и тем поставить крест на дальнейшей учебе Л. Троцкого.

Возвращение в училище состоялось осенью того же года, для чего требовалось только сдать несколько экзаменов по предметам. Дальнейшая учеба в реальном училище прошла без происшествий. Свои впечатления о годах учебы Троцкий резюмировал следующими словами:

«...В общем, память об училище осталась окрашенной если не в черный, то в серый цвет. Над всеми школьными эпизодами, и горестями, и радостями, возвышался режим бездушия и чиновничьего формализма. Трудно назвать хоть одного преподавателя, о котором я мог бы по-настоящему вспомнить с любовью. А между тем наше училище было не худшим. Кое-чему оно меня все же научило: оно дало элементарные знания, привычку к систематическому труду и внешнюю дисциплину. Все это понадобилось в дальнейшем. Оно же, наперекор своему прямому назначению, посеяло во мне семена вражды к тому, что существует. Эти семена попали, во всяком случае, не на каменистую почву».

Я вернусь к эпизоду с исключением Л. Бронштейна из реального училища и позволю себе некоторое обобщение. Фактически, решение о его исключении базировалось на ложном доносе нескольких соучеников, так как никакого «подстрекательства к бунту» со стороны Л. Б. в действительности не было: в описанном эпизоде он вел себя точно так же, как и остальные ученики в классе. Почему же показали именно на него?

Наиболее вероятной причиной этого поступка была зависть. Возможно, не вполне осознанная, но зависть. Л. Б. с большим отрывом превосходил остальных учеников в успеваемости и, хотел он того или нет, был неформальным лидером в классе. А успешность и лидерство одного не оставляет равнодушными окружающих. И здесь возможны два варианта поведения: или восторженное, – в разной степени, – преклонение, или зависть и ненависть. Но возможно то и другое одновременно. Однако стоит лидеру оступиться, показать слабость – в нашем «скотном дворе» его затопчут.

Описанный эпизод с исключением Левы Бронштейна из училища символичен. В дальнейшем Троцкому еще придется испытать горькую чашу предательства со стороны бывших соратников и наблюдать оргию топтания

шкуры еще живого льва его врагами после того, как он лишится властных полномочий.

После окончания реального училища в судьбе Л. Бронштейна произошел неожиданный поворот, подготовленный как внутренними причинами, так и внешними обстоятельствами. Вместо того чтобы продолжить образование для обретения инженерной специальности, – чего желал его отец, или реализовать свои математические способности в научной карьере, Л. Б. постепенно оказывается ввергнутым в водоворот событий, приведших его к осознанию собственной персоны в качестве борца с «прогнившим режимом» за свободу и справедливость. Это произошло не вдруг.

Что подвигает молодого, впечатлительного человека к протесту? Ясное дело – несправедливость в обществе, хамство и беззаконие со стороны власть имущих. Эпизоды подобного хамства, – с одной стороны, и бесправия простого народа – с другой юный Л. Бронштейн наблюдал даже в своей деревне. Вот как описывает Троцкий один из таких эпизодов.

«Приехал однажды в отсутствие хозяина урядник, грубый, жадный, наглый, и потребовал паспорта рабочих. Он нашел два просроченных. Владельцев их он немедленно вызвал с поля и объявил арестованными для отправки на родину по этапу. Один был старик с глубокими складками коричневой шеи, другой молодой, племянник старика. Они упали в сених сухими коленями на земляной пол, сперва старик, за ним молодой, гнули к земле головы и повторяли: «Сделайте такую Божескую милость, не губите нас». Плотный и потный урядник, играя шашкой, и отпивая принесенного ему из погреба холодного молока, отвечал: «У меня милость только по праздникам, а сегодня будни». Я сидел, как на жаровне, и что-то протестующее сказал срывающимся голосом. «Это, молодой человек, вас не касается», – отчеканил строго урядник, а старшая сестра подала мне тревожный сигнал пальцем. Рабочих урядник увез».

А какими инстинктами движим обычный «нормальный» человек на своем жизненном пути? Важнейший из них, – и в наше время тоже, – инстинкт приобретательства. От этого инстинкта, мелкобуржуазного жизненного уклада и кругозора – от них, по собственному признанию Троцкого, он отчалил резким толчком и на всю жизнь.

Отношения с религией своего народа также не сложились. По настоянию отца Лев одно время брал частные уроки у одного ученого старика. Однако веру в Бога эти занятия не укрепили. Не очень волновали молодого человека в то время и национальные моменты. Открытого антисемитизма в реальном училище не было, чему способствовала национальная пестрота его учеников. Никто не был заинтересован в раздувании национализма. Он также лично не ощущал неудобства процентной нормы, благодаря своей отличной успеваемости. И все же, по признанию Троцкого, национальное неравенство послужило, вероятно, одним из подспудных толчков к недовольству существующим строем, но этот мотив совершенно растворялся в других явлениях общественной несправедливости и не играл не только основной, но и вообще самостоятельной роли.

В школьные годы, по признанию Троцкого, безотчетно формировались оппозиционные устремления и неприязнь к существующему строю, к несправедливости и произволу. Откуда? – из условий эпохи Александра III, из полицейского самоуправства, помещичьей эксплуатации, чиновничьего взяточничества, национальных ограничений, из несправедливости в училище и на улице... из гуманного духа в семье Шпенцера, из чтения стихов Некрасова и других книг, из всей общественной атмосферы вообще.

В седьмом, последнем классе Л. Бронштейн учился уже не в Одессе, а в Николаеве, который в то время был вполне провинциальным городом. После окончания учебы начались поиски дальнейшего жизненного пути. Отношения с родителями ухудшились. Парень не желал подчиняться отцовскому авторитету, непримиримо боролся за свою самостоятельность. Кончилось тем, что он отказался от материальной помощи семьи. Жил «по-спартански» – коммунально с

подобными ему ищущими молодыми людьми, давал частные уроки, занимался самообразованием, читал нелегальную литературу, которую можно было достать.

Поддавшись уговорам семьи, не оставлявшей попыток вернуть молодого человека к реальной жизни, осенью 1896 года Л. Бронштейн уехал в Одессу к дяде – инженеру и владельцу завода. Предполагалось поступление на математический факультет. Но все кончилось возвращением в Николаев и возвратом к старым знакомым и интересам. Они обсуждали последние книжки радикальных журналов, спорили о дарвинизме, неопределенно готовились и ждали. Искали связи с рабочими. К этому времени для молодого человека «точка невозврата» была пройдена. Развитие личности закончилось, круг интересов расширился, в силу внутренних побуждений произошел поворот в сторону революционного радикализма. Возврат на дорогу, ведущую к мещанскому благополучию, стал невозможен. Но пока все эти настроения укладываются в картину юношеского максимализма, выразившегося в неприятии существующих порядков и мещанского благополучия. Подобное состояние было знакомо многим молодым людям из интеллигентской среды в России конца XIX века. Требовались дополнительные импульсы для того, чтобы стихийный протест перерос в осознанные действия, определяющие судьбу человека. И вскоре такие импульсы возымели место.

Начало

В 1896 году в Петербурге разразились массовые стачки ткачей. Это придало интеллигенции духу. Осмелели студенты. После самосожжения в Петропавловской крепости курсистки Ветровой в университетских городах происходили волнения. Первым увлечением молодого Троцкого было народничество, чему способствовали контакты с бывшими ссыльными народниками, некоторые из которых знали Желябова, Перовскую, Фигнер не как легенды, а как живых людей. Переход на сторону марксизма был постепенным и не без внутреннего сопротивления. Сопротивление диктату «авторитетов» было характерной чертой молодого, да и более позднего Троцкого, что впоследствии породило немало конфликтов. Но, встав на путь марксизма, Троцкий уже никогда с него не сворачивал.

В 1897 году Троцкий с товарищами начали налаживать контакты с рабочими Николаева. Были образованы первые кружки. Читали нелегальную литературу. На подпольные чтения, беседы по квартирам, в лесу, на реке собирались по 20–25 человек и более. Преобладали рабочие высокой квалификации, работавшие на Николаевском судостроительном заводе, где был уже введен восьмичасовой рабочий день. Стачками эти рабочие не интересовались, они искали правды социальных отношений. Движение быстро разрасталось. Число рабочих, желавших входить в кружки, казалось практически неограниченным. Недостаток был за руководителями, не хватало литературы. В качестве, как теперь говорят, «пилотного проекта» пользовались заношенный рукописный экземпляр Коммунистического манифеста Маркса-Энгельса, списанный разными почерками в Одессе с многочисленными пропусками и искажениями.

Упомянув о коммунистическом манифесте, не могу не отметить следующее. Порожденный реалиями классовой борьбы в Европе середины XIX века и отражавший социальную, политическую и экономическую ситуацию того времени, этот документ оказался весьма «долгоиграющей пластинкой», воспроизводящей революционную музыку в стиле «крещендо». Правящие классы европейских стран восприняли эту музыку всерьез и, в конечном итоге не без борьбы, вынуждены были поступиться частью своей власти и богатства, чтобы не потерять все. Постепенно социал-демократия входит в парламенты европейских стран, а где-то завоевывает большинство. Изменяются в сторону равноправия граждан избирательные законы, завоевываются социальные преференции для трудящихся. В итоге положение рабочих в странах Европы постепенно улучшалось. Конечно, не обошлось без революционных потрясений. Но даже европейский фашизм в историческом плане оказался явлением преходящим.

Социальное развитие в Европе пошло, в основном, по пути эволюции. И сегодня средний европейский рабочий – уважаемый и уважающий себя законопослушный гражданин своей страны с высоким профессиональным уровнем и высоким заработком, реально влияющий своим голосом на выборах на власть в стране. От былой революционности европейского пролетариата не осталось и следа. И если возможна в будущем революция в Европе, то разве что под зеленым знаменем ислама...

А что в России? По поводу надвигающейся революции в России поэт Маяковский говорил от имени перепуганного интеллигента в ироническом плане:

*«...Я тоже социалист,
Но я не граблю, не жгу».*

Разве можно сразу?

– Конечно, нет.

Потихоньку, понемногу,

По веришку по шажку,

Сегодня, завтра, через двадцать лет...»

Подобное развитие в России оказалось невозможным:

- в силу отсталости заскорузлой политической системы в стране, порожденной самодержавием, не желавшим реформироваться;
- из-за низкого культурного уровня основной массы населения, не воспринимавшего «придумки» западной демократии;
- из-за радикализма революционной интеллигенции.

Вступив на тропу конфронтации с режимом, Троцкий принял первую конспиративную кличку – «Львов». Под этой фамилией он выступает на собраниях рабочих, пишет прокламации, которые распространяются на заводах. В конце 1897 года ядро нелегальной и до того времени неоформленной организации сформировало «Южнорусский рабочий союз», в который, кроме Николаева, предполагалось втянуть и другие города. Троцкий составил устав Союза в социалистическом духе. Вскоре весь город начал говорить о революционерах, которые наводят заводы своими листками. Но из-за неопытности заговорщиков конспирация была слабой. Были и провокаторы. Однако полиция медлила с арестами, пытаясь нащупать связь организации молодых нелегалов, которых она еще не воспринимала всерьез, с неким центром. Наконец, в конце января 1898 года были проведены массовые аресты. Всего было выхвачено более 200 человек. Николаевская организация получила жестокий удар, но не исчезла. На замену арестованных вскоре пришли другие.

Со старой николаевской тюрьмы начался счет свыше десятка тюрем, в которых Троцкий побывал за свою жизнь. За николаевской последовала херсонская тюрьма, где он провел три месяца в полном беспросветном одиночестве без мыла, без смены белья, поедаемый тюремными паразитами. Ему не было еще и 19 лет. Затем его перевели в одесскую тюрьму, в одиночную камеру, но здесь, с помощью известных тюремных ухищрений, наладилась связь с соседями и, отчасти, с внешним миром. К концу второго года заключения Троцкий, в числе четверых главных обвиняемых, получил приговор по делу Южнорусского союза: четыре года ссылки в Восточную Сибирь. Однако до отправки на место ссылки он еще полгода провел в московской пересыльной тюрьме. Там он обвенчался с Александрой Соколовской, которая была старше его и занимала одно из первых мест в Южнорусском рабочем союзе. На место ссылки – село Усть-Кут на реке Лене – они прибыли вместе и поселились в избе, хозяйин и хозяйка которой пили беспробудно, как и другие жители села. Жизнь темная, глухая, почти в полной изоляции от внешнего мира.

Как и в прочих местах лишения свободы, Троцкий не терял времени даром. Он пишет в книге воспоминаний «Моя жизнь»: «Я изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страниц». Вскоре по прибытии в Усть-Кут Троцкий начал сотрудничать в Иркутской газете «Восточное обозрение». Практически с этого времени началась его карьера в качестве журналиста. Это занятие, к овладению которым имелись большие способности, нередко было единственным источником заработка. Через некоторое время местные власти разрешили Троцкому переселиться в городок Верхнеленск, который располагался южнее, и там были друзья. От безысходности тамошней жизни немало число ссыльных кончало самоубийством. Некоторые растворялись в окружающей среде, другие спивались. В ссылке, как и в тюрьме, спасала только работа над собой.

В общении между ссыльными сталкивались идейные направления, занимавшие в то время российскую интеллигенцию – от народничества, которое уже сходило на нет, до разных течений марксизма и критиков марксизма, и даже анархистские. Все это подпитывалось газе-

тами и журналами, приходившими с воли с опозданием. В феврале 1901 года пришло сообщение об отлучении Льва Толстого Святейшим синодом от церкви. Послание синода, которое было напечатано во всех газетах, достойно быть дословно процитированным. Итак, Толстому вменяется в вину шесть преступлений:

- 1) отвергает личного живого Бога, во святой троице славимого;
- 2) отрицает Христа богочеловека, воскресшего из мертвых;
- 3) отрицает бессемянное зачатие и девство до рождества и по рождестве пречистой богородицы;
- 4) не признает загробной жизни и мздовоздания;
- 5) отвергает благодатное действие святого духа;
- 6) подвергает глумлению таинство евхаристии.

Троцкий пишет в своих воспоминаниях:

«Бородатые и седовласые митрополиты, Победоносцев, их вдохновляющий, и все другие столпы государства считают нас, революционеров, не только преступниками, но и безумными фанатиками, а себя – представителями трезвой мысли, опирающейся на исторический опыт всего человечества, эти люди требовали от великого художника-реалиста веры в бессемянное зачатие и святой дух, передающийся через хлебные облатки. Мы читали и перечитывали перечень лжеучений Толстого – каждый раз со свежим изумлением – и мысленно говорили себе: «Нет, на опыт всего человечества опираемся мы; будущее представляем мы, – а там, наверху, сидят не только преступники, но и маньяки». И мы чувствовали наверняка, что справимся с этим сумасшедшим домом».

Теперь, по истечении 110 лет от описываемых событий, можно подвести некоторые итоги. «Восставшая из пепла» русская православная церковь вновь во главе государства Российского. Как и в дореволюционном прошлом, ныне она представляет духовную власть в стране и уже претендует на участие в школьном образовании. А еще недавно атеистическая Россия постепенно превращается в государство полуклерикальное. Церковные иерархи вещают по государственным телевизионным каналам в праздники и будни. Они же – участники «круглых столов», по какому бы поводу те ни собирались.

В светской стране, где церковь по конституции отделена от государства, религиозная пропаганда ведется безо всяких ограничений. В то же время антирелигиозная, в какой бы форме она ни велась, приравнивается к проявлению «религиозной вражды», за что можно получить крупный штраф или стать жертвой уголовного преследования. И уже принят закон об уголовной ответственности «за оскорбление чувств верующих».

А то, что еще не позволяет законодательство – крушить, запугивать, «не пущать» – можно творить руками «православных хоругвеносцев»: они ведь чисты, как дети, которых и наказывать-то нельзя.

Такими методами православная церковь пытается присвоить себе монополию на духовное воспитание общества, а наша светская власть ей в этом всячески потворствует. Нынешние «отцы нации» федерального и местного уровня ходят в храмы, а то и прилюдно лобызаются с церковниками, пытаясь таким образом повысить свой имидж. Да и не делать это стало как-то неприлично – будешь выглядеть «белой вороной». В светской стране открыто демонстрируется единство власти и православной церкви: «когда мы едины, мы непобедимы».

Религия проникла и в наш сталинско-михалковский государственный гимн. Как можно заставить не верующего в Бога, коих все еще великое множество, произносить слова гимна: «хранимая Богом родная земля»?

Между прочим, в этих словах заложен и глубокий «философский» смысл. Если сохранность родной земли поручена Всевышнему, то нам, простым смертным, не о чем и беспокоиться. О ней позаботятся Бог, богоизбранный президент, премьер и – далее по списку. Они все устроят наилучшим образом, и наши тревоги за родную землю ни к чему. Спите спокойно, дорогие сограждане, ничто не может нарушить ваш безмятежный сон... Лишь немногие граждане России, – как, например, уже покойный академик, Нобелевский лауреат Виталий Гинзбург, – в этих условиях осмеливаются открыто противостоять давлению православной церкви на общество.

...После выстрелов Карповича и Балмашова встрепенулась вся ссылка. Возникли споры о целесообразности и тактике индивидуального террора. Марксистская часть ссылки высказывалась против терроризма. Одиночки сгорят в героической борьбе, не подняв рабочий класс. Наше дело – не убийство царских министров, а революционное низвержение царизма. По этой линии пошел водораздел между социал-демократами («эсдеками») и социалистами-революционерами («эсерами»).

Вскоре началась эпидемия побегов. Приходилось устанавливать очередность. В условиях бескрайних сибирских просторов и при отсутствии коммуникаций поймать бежавшего ссылного было трудно. Больше шансов было на то, что он утонет в реке или замерзнет в тайге.

Решение о побеге Троцкого было принято на семейном совете. Спешу успокоить сердобольных «истормейкеров» из вышеупомянутого «гнезда», которые сокрушались по поводу брошенной жены Троцкого с двумя малышками. По его словам, мысль о побеге первой подала именно жена, несмотря на все ожидавшие ее трудности и невзгоды. Революционный долг покрывал для нее все другие соображения, и прежде всего – личные. Она же устранила все сомнения, возникавшие на этом пути, и в течение нескольких дней успешно маскировала от полиции отсутствие мужа: на их квартире укрыли одеялом чучело мнимого больного. Может быть, Троцкий лукавит? Но трудно себе представить успешность его побега, если бы жена не содействовала этому. В дальнейшей жизни судьбы Л. Троцкого и его первой жены А. Соколовской разошлись. Но они поддерживали переписку; некоторые письма сохранились в архиве. Троцкий поддерживал свою семью, как мог. Две дочери от первого брака одно время воспитывались в семье его отца.

Из самой истории побега я выхватываю только некоторые заинтересовавшие меня эпизоды...Троцкий добрался до железной дороги, без приключений сел в вагон, куда иркутские друзья доставили ему чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации. В руках у него был томик Гомера, а в кармане – паспорт на имя Троцкого, которое он сам на удачу вписал. С этого момента Лейба Бронштейн узаконено становится Львом Троцким на всю оставшуюся жизнь.

Но мое внимание привлек не только этот торжественный момент, а и сам факт передачи ссылному революционеру его друзьями чемодана с гражданской одеждой и нового паспорта. Во времена проклятого самодержавия подобное происходило достаточно часто, без чего сам побег из неволи был бы проблематичен. Несмотря на отсутствие в то время организаций профессиональных революционеров, действовавших «по интересам», люди даже разных политических взглядов, объединенные общей борьбой с самодержавием, оказывали друг другу помощь, нередко привлекая для этого местное население. В наше время и в нашей России помощь подобного рода удается, разве что, в уголовном мире, благодаря чему время от времени происходят побеги уголовных авторитетов. Подобное немыслимо в отношении политических заключенных, – сидящих, разумеется, по уголовным статьям.

Сами эти заключенные, их семьи и их друзья на воле находятся под неусыпным многоуровневым контролем. И даже сама попытка организации побега политэзка в этих условиях должна рассматриваться, скорее, как провокация.

Троцкий пишет: «...Я ехал по сибирской линии на запад. Вокзальные жандармы равнодушно пропускали меня мимо себя. Рослые сибирячки выносили на станцию жареных кур и поросят, молоко в бутылках, горы печеного хлеба. Каждая станция походила на выставку сибирского изобилия. На всем пути весь вагон пил чай, заедая дешевыми сибирскими пышками».

Лет 25 – 30 назад к концу эпохи «развитого социализма» мне довелось проехать некоторое количество километров вдоль сибирской трассы, правда, несколько восточнее – в районе города Белогорска. Никаких рослых сибирячек с жареными поросятами, дешевыми сибирскими пышками я там не встретил. И вообще никого. В привокзальных буфетах – скудное угощение в виде хлебных котлет с некоторым присутствием мяса, вчерашних пирожков, ливерной колбасы, рыбных консервов и чая. Водка, правда, имела в достаточном количестве. Куда делось все это сибирское изобилие, описанное Троцким, и вообще – за что он боролся?

...В Самаре Троцкий примкнул к организации «Искра» под конспиративной кличкой «Перо» – это была дань его сибирским успехам на ниве журналистики. После посещения городов Полтавы и Киева по заданию Самарского бюро, которое имело связь с находившимся за границей В. Лениным, Троцкий предпринял попытку нелегального выезда за границу. Она удалась, несмотря на некий трагикомический эпизод, описанный в книге его воспоминаний «Моя жизнь», – рисковавший сорвать это мероприятие и поставить самого Троцкого под угрозу разоблачения.

По прибытии в Вену у Троцкого почти кончились деньги, которыми его снабдили на дорогу, чтобы добраться до Цюриха. И ему пришлось в выходной день обратиться за помощью к самому Виктору Адлеру – вождю австрийской социал-демократии. Он извинился перед Адлером, что нарушил его воскресный отдых, но получил ответ: «Если Вы привезете из России вести о революции, можете звонить ко мне и ночью».

В начале первой эмиграции Троцкий жил в Цюрихе, Лондоне, Париже, посетил Брюссель, Льеж, Гейдельберг. Много времени уделял самообразованию, с жадностью поглощал вышедшие номера «Искры» и вскоре начал сам сотрудничать в «Искре». Он был очень приветливо и заинтересованно встречен Лениным, и подружился с другими членами находящейся в Лондоне редакции «Искры», которая в то время была центральным органом РСДРП и руководящим органом партии. Отношения не сложились только с Плехановым, который с самого начала отнесся к Троцкому настороженно и даже враждебно. Он не принял предложение Ленина включить его полноправным членом в редакцию «Искры».

В редакции уже намечался раскол, и по ряду вопросов она разбивалась на две тройки: стариков (Плеханов, Засулич, Аксельрод) и молодых (Ленин, Мартов, Потресов). Включение Троцкого в редакцию усилило бы молодых против стариков. Однако возрастные моменты не были ведущими в намечающемся расколе редакции на «твердых», которых представлял Ленин, и «мягких», которых представлял Мартов, искровцев. Принципиальными становились программные и организационные вопросы. Как общеизвестно, разногласия по этим вопросам привели к полному размежеванию на втором съезде партии в 1903 году. Съезд начался в Брюсселе, а затем работа была перенесена в Лондон.

Разногласия между участниками съезда сосредоточились первоначально вокруг первого пункта устава: кого считать членом партии. Ленин настаивал на том, чтобы отождествить партию с нелегальной организацией. Он хотел оформленности и резкой отчетливости в партийных

отношениях; Мартов тяготел к расплывчивости. За кулисами шла борьба за каждого отдельного члена, и Ленин не щадил усилий, чтобы привлечь Троцкого на свою сторону. Нервы у всех были напряжены до предела. С одного собрания «Искровцев», на котором председательствовал Троцкий, Ленин ушел, хлопнув дверью. По словам Троцкого, это был единственный случай, когда Ленин потерял на его глазах самообладание в острой внутривнутрипартийной борьбе. Раскол разразился неожиданно для всех участников съезда, которые крайне тяжело переживали эти события. После съезда Ленин несколько недель проболел нервной болезнью.

Почему Троцкий оказался на съезде с «мягкими»? Как он сам утверждает, не мог примириться с исключением «стариков» Аксельрода и Засулич из редакции «Искры», чего желал Ленин, чтобы убрать препятствия в формировании дальнейшей редакционной политики. Из членов редакции Троцкий ближе всего был связан с Мартовым, Засулич и Аксельродом, и их влияние на молодого Троцкого было бесспорно. И он не мог примириться с посягательством Ленина на редакцию, которая для Троцкого все еще оставалась единым целым. Мартова Троцкий охарактеризовал следующим образом:

«Лидер меньшевиков Мартов является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, Мартов был гораздо выше того идейного течения, которое он возглавлял, но его мысли не хватало мужества, его проницательности не доставало воли. Цепкость не заменяла их. Первый отклик Мартова на события всегда обнаруживал революционное устремление. Но немедленно же его мысль, не поддерживаемая пружиной воли, оседала вниз. Наша близость с ним не выдержала испытания первых крупных событий надвигающейся революции».

Выявившиеся на II съезде РСДРП расхождения Троцкого с Лениным в значительной степени определили его дальнейшее поведение по отношению к «ленинской линии» в идейной и организационной борьбе. В какие-то моменты обнаруживалось сближение с этой линией, а в какие-то – резкие расхождения. По многим вопросам Троцкий предпочитал занимать независимую позицию. Впоследствии Троцкий открыто признал правоту ленинской позиции в вопросах партийного строительства, несмотря на ее очевидную жесткость по отношению к бывшим соратникам по борьбе. Вот что он писал по этому поводу:

«Так или иначе, второй съезд вошел в мою жизнь большой вехой, хотя бы уже по одному тому, что развел меня с Лениным на ряд лет. Охватывая теперь прошлое в целом, я не жалею об этом. Я вторично пришел к Ленину позже многих других, но пришел собственными путями, проделав и продумав опыт революции, контрреволюции и империалистической войны. Я пришел благодаря этому прочнее и серьезнее, чем те «ученики», которые при жизни повторяли не всегда к месту слова и жесты учителя, а после смерти его оказались беспомощными эпигонами и бессознательными орудиями в руках враждебных сил».

1905 год

С начала XX века напряжение в российском обществе неуклонно нарастало, прорываясь наружу то студенческими волнениями, то забастовками рабочих, то покушениями на царских сановников. Крамольные настроения подогревались либеральной печатью и агитаторами. Угроза массовых волнений возросла с получением известий о неудачах провальной войны 1904 года на Дальнем Востоке, в которую Россия легкомысленно втянулась, не будучи к ней готовой. Война стала следствием многолетней экспансии России в этом районе, которая враждебно столкнулась с интересами другого империалистического хищника – Японии.

Начало революции связывают с «Кровавым воскресеньем» 9 января 1905 года – расстрелом в Петербурге сотысячного мирного шествия рабочих с петицией к царю, которое возглавил священник Гапон. Царь любил свой народ, желал встречи с ним, но не так, не вдруг, не лицом к лицу с возбужденной толпой. Царь осторожно остался в Царском Селе, а события в Петербурге развивались спонтанно и кроваво. В итоге – сотни убитых, тысячи раненых.

*Нагаечка-нагайка, нагайка ты моя,
Вспомним, товарищи, девятое января.
На жалобы и стоны голодных русских масс
Один ответ у трона – лупить нагайкой нас.*

*Нагайка ты нагайка, тобою лишь одной
Романовская шайка сильна в стране родной.*

*Царит нагайка всюду, ну что же – все равно
Ей царя-шуду спасти не суждено.
Уже под красно знамя встает народ на бой,
Царь будет свергнут нами со всей его ордой.*

Вот образец народного песенного творчества того времени.

По числу человеческих жертв эксцессы российской истории бывали и круче. Но общественная значимость «Кровавого воскресения» была исключительной – именно в этот момент стало ясно: в России между царским правительством и народом идет гражданская война.

Ситуацию подхватили революционные партии, либеральная интеллигенция: Россия встала «на дыбы» и повсеместно окрасилась в красный цвет. Нарастающий вал революции достиг своей кульминации в сентябре – октябре 1905 года объявлением всеобщей политической стачки. А 17 октября царь подписал «Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка», содержащий обещание «даровать населению незыблемые основы... неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов...». Это был вынужденный шаг и – запоздалый: революция к тому времени настолько «раскошегарилась», что трудно было удержать ее. Радикалы призывали народ не верить царским обещаниям и продолжать борьбу до полной победы над самодержавием. А еще раньше собравшийся в Лондоне III съезд РСДРП принял решение о вооруженном восстании.

Но манифест от 17 октября расколол российское общество, активизировал ту часть населения, которая встала на сторону прядка и враждебно отнеслась к революционерам – разрушителям России. Народ запел «Боже, царя храни» и... начал громить евреев. Немедленно после оглашения царского манифеста по империи прокатилась волна еврейских погромов, которая затронула десятки городов и местечек черты оседлости. В частности, погромы сотрясли Киев, Одессу, – в книге Аркадия Ваксберга «Из Ада в Рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину,

Сталину и Солженицину» приводится цифра убитых в Одессе свыше 500 человек, – Луганск, Ростов-на-Дону, Томск; еще раньше избиением черносотенцами и полицией интеллигенции и евреев отметились Казань и Нижний Новгород, а позже, в июне 1906 года, разразился грандиозный еврейский погром в Белостоке.

Это неслучайно. Русские евреи едва ли не громче всех выступали «за нашу и вашу свободу», а по числу активных участников революционного брожения, включая лидеров партий, агитаторов и участников беспорядков, этот народ в относительном измерении, а в некоторых местах – и в абсолютном превзошел остальных подданных империи. Наиболее активная часть еврейской молодежи вышла из-под контроля своих религиозных наставников, родительской опеки и радикализировалась. Как писал А. И. Солженицын в своей книге «Двести лет вместе», евреи обильно присутствовали в руководстве революционных партий и среди их активных функционеров.

– Григорий Гершуни и Михаил Гоц возглавили новую революционную организацию, которая в начале XX века возобновила традиции «Народной воли» по части индивидуального террора против царских сановников. Гершуни возглавил и боевую организацию эсеров, в которой, в числе прочих, состояли Абрам Гоц, Дора Бриллиант, Рашель Лурье, Эстер Лапина, Лев Зильберберг, Михаил Швейцер, Евно Азеф. Последний возглавил боевую организацию эсеров после Гершуни, – который умер от саркомы легкого в возрасте 38 лет, – но оказался провокатором, работавшим одновременно на революционеров и на охранку;

– много их было и у меньшевиков, начиная с их лидера – Мартова;

– множество и среди вожakov анархистов, в том числе, Я.Новомирский, А.Ге, Л.Черный, В.Гордин, И.Гроссман и др.;

– немалое число – и у большевиков, о которых еще много будет сказано впереди.

И у руководства московского декабрьского вооруженного восстания 1905 года были евреи, начиная с начальника штаба краснопресненских дружин З. Литвина-Седого.

С одним из участников этих событий я был знаком лично. Мой старый учитель математики в старших классах средней школы сильно хромал на правую ногу. Как выяснилось, он был ранен, когда студентом вместе с товарищами бегал на баррикады помогать дружинникам.

А разве не эсер Петр Рутенберг шел рядом с попом Гапоном во главе колонны рабочих, направлявшихся к Зимнему дворцу в то «Кровавое воскресенье»? И разве не он участвовал в организации этого шествия и редактировал петицию к царю?

Вышеупомянутые и их соплеменники – члены революционных партий – в подавляющем большинстве своем считали себя русскими революционерами и далеко отошли от своего еврейства. Но были также партии и союзы, построенные по национальному признаку. Это социалистический рабочий союз «Бунд», объединявший десятки тысяч соплеменников в западных областях империи; это сионистский «Поалей – Цион». И вся эта разношерстная либеральная и революционная публика, включая их боевиков и «отряды самообороны», влилась бурным потоком во всероссийскую «фронду» самодержавию.

Такое не могло остаться незамеченным современниками, которые не без некоторых оснований, а кто и с иронией, окрестили события 1905 года «еврейской революцией». По понятным причинам этот малоприятный уклон в русской революции 1905 года не был замечен советской историографией, – во всяком случае, в ее популярном изложении. Зато теперь, когда полюса Добра и Зла у нас поменялись местами, на вовлеченности евреев в революцию можно заработать себе политический капитал.

На самом же деле, по широте территориального охвата и массовости участия в ней разных слоев общества, включая, прежде всего, рабочих, затем студентов, интеллигенцию, крестьянство, затем восстания на флоте – это была, конечно, русская революция. А перевод стре-

лок в сторону «еврейского заговора» был выгоден властям для дискредитации революции и революционеров в глазах российского общества. Так, после подавления войсками вооруженного восстания в Москве, газета «Московские ведомости» писала:

«Московский Союз русского народа земным поклоном благодарит тебя, христолюбивое и верное русское воинство, за самоотверженную службу царю и подвиги в дни подавления безумного мятежа, поднятого франкмасонским еврейским Бундом...».

При описании событий 1905 года в книге «Моя жизнь» Троцкий упомянул графа Витте, бывшего в то время председателем кабинета министров: «В своих воспоминаниях Витте писал впоследствии, что в 1905 г. «громадное большинство» России как бы сошло с ума». Далее Троцкий пишет: «Революция кажется консерватору коллективным умопомешательством только потому, что «нормальное» безумие социальных противоречий она доводит до высшего напряжения. Так люди не хотят узнавать себя в смелой карикатуре. Между тем все современное развитие сгущает, напрягает, обостряет противоречия, делает их невыносимыми и, следовательно, подготавливает такое состояние, когда громадное большинство «сходит с ума»...». Эти слова Троцкого вполне применимы к нынешнему времени, как будто бы за более чем 100 лет, прошедших после 1905 года, во взаимоотношении между властью и обществом в России ничего не изменилось: все та же забронзовевшая во вседозволенности Власть – и та же бесправная Россия. Впрочем, как говорят, народ всегда заслуживает свое правительство.

Но вернемся к погромам. Когда рядом живут представители разных этносов, различающихся между собой вероисповеданием, внешностью, родом занятий, материальным достатком и прочим, между ними существует известная напряженность, которая в повседневности не препятствует их мирному и даже взаимовыгодному существованию. Их отношения может омрачить только взаимная конкуренция. Во времена лихолетия напряженность эта возрастает. И тогда любая провокация может зажечь горячий материал, вызвать пожар межнациональных столкновений. Сколько мы наблюдали «неожиданностей» в этом плане на рубеже 1990-х годов и уже в новое время. Ослабление центральной власти провоцирует возникновение межнациональных разборок на местах. Но нередко сама власть бывает заинтересована в погромах, стремясь перенаправить разрушительную активность «низов» в нужное ей русло.

Погромы 1905 года были спровоцированы как поведением самой многонациональной революционно настроенной толпы, нарушавшей нормальное течение жизни обывателя, так и царским манифестом, «даровавшем жидам конституцию», – как это было понято православным населением и с чем трудно было смириться. Однако как до, так и после 1905 года в России в немалом числе происходили погромы, спровоцированные отнюдь не революционным накалом страстей, но банальной злонамеренной клеветой в адрес еврейского населения со стороны заинтересованных лиц и часто – из корыстных соображений. Таким был, например, знаменитый Кишиневский погром в апреле 1903 года.

Особенностью погромов 1905 года было то, что происходили они при попустительстве местных властей, занимавших позицию сторонних наблюдателей, а иногда – и участников событий на стороне погромщиков. По пути следования пьяной толпы солдаты оружейными залпами расстреливали одиночных «снайперов» из еврейской самообороны. Такое поведение блюстителей порядка поощряло громил. Обычно в таких случаях местная власть внезапно приходила в себя и наводила порядок спустя двое, трое или четверо суток от начала кровавых событий, после того как многие еврейские дома, магазины и лавки бывали разгромлены и разграблены чернью, а количество жертв исчислялось сотнями убитых и раненых. Жертвами

оказывались и еврейская самооборона, но в подавляющем большинстве своем – вполне законопослушное мирное население, а кроме того, заодно, – студенты, «либералы», интеллигенты и прочие «неблагонадежные лица» независимо от вероисповедания – кто не успел скрыться. Если кого-то интересуют подробности, советую обратиться к упомянутому исследованию А.И. Солженицына «Двести лет вместе».

В обеих столицах и других городах, затронутых волнениями, действовала «черная сотня», терроризировавшая революционеров, интеллигенцию, студентов и прочее население. Черносотенный «Союз русского народа» был организован в Москве князем Волконским. Несмотря на свое «княжеское происхождение», по мнению С. Ю. Витте, «черная сотня» рекрутировала в свои ряды отнюдь не борцов за идею, – как сбившиеся с пути революционеры, – но всякое отребье, включая хулиганов самого низкого пошиба, погромщиков, убийц из-за угла. Слова либерального премьер-министра, который, безусловно, был противником революции, вполне соответствовали действительности. Так, 18 октября освобожденный из тюрьмы по амнистии в Москве Н.Э. Бауман – один из видных большевиков – был убит черносотенцем обрезком трубы. Черносотенцы при попустительстве полиции нападали на либеральных деятелей, совершали политические убийства, инициировали погромы.

Правые газеты неустанно призывали собираться людей русских «под знамя Священного Союза народной самообороны за веру Христову, за Царя, за Отечество», обращались за помощью к святому Георгию Победоносцу. Деятельности правых, в т. ч. «Союза русского народа», покровительствовали высшие инстанции, начиная с министра внутренних дел П.Н.Дурново, который считал их отличным оружием правительства в борьбе с анархией. Таковыми были неформальные действия властей, направленные против революции, иногда достаточно эффективные.

Предвидя подобное развитие событий, журналист из Одессы – в будущем один из сионистских лидеров, – Владимир Жаботинский пытался по мере своих сил удержать соплеменников от фатального увлечения революцией. Он взывал: «Нечего еврейскими руками творить русскую историю. Ничего хорошего из этого не получится». «Если и допустимо участвовать евреям в революции, – говорил он, – то только на вторых ролях, вслед за большинством титульной нации». Удержать свою молодежь пытались и религиозные лидеры, общественные деятели, например, известный историк С.Дубнов (расстрелян немцами в 1941 году). Все тщетно. Под напором разбуженной стихии доселе неколебимая, всеподавляющая, тяжеловесная, ожиревшая 300-летняя Романовская монархия со всеми ее державными атрибутами вдруг зашаталась, затрещала по швам. И трудно было удержать молодежь от участия в этом празднике души...

*«Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...»*

Эта песня когда-то была очень популярна. Кого могли оставить равнодушными слова о царстве свободы? Но где пролегает дорога к этому самому царству – этого не ведал никто: ни русский поэт Н. Некрасов, впервые в своей поэме грудью проложивший дорогу к светлому будущему, ни нынешние революционеры. Свобода даром не дается. Она должна быть народом выстрадана. Кто за свободу не страдал, тот ее не достоин, ее и не оценит. Однако где взять народ, готовый страдать за свободу? И почему столь отзывчивым оказалось именно русское еврейство?

Напомню читателю обстоятельства общеизвестные. Еврейское меньшинство, составлявшее 4,5 – 5,0 миллионов человек на начало века, российскими законами было стиснуто в

пределах нескольких областей «черты оседлости», расположенных в Малороссии и Белоруссии. Во многих местах евреям было запрещено проживать в городах, а только в так называемых «местечках», – отсюда и пошло выражение «местечковый еврей». И даже если какое-то местечко путем естественного прироста населения обретало статус города, евреи, жившие в нем десятилетиями и столетиями, подлежали выселению. Только для отдельных весьма немногочисленных категорий «инородцев», – купцы первой гильдии, крупные промышленники и банкиры, врачи, адвокаты, лица с высшим образованием и некоторые другие, – делалось исключение: им разрешалось проживание в крупных городах. К примеру, даже знаменитый русский художник И. Левитан, обучаясь в Петербурге художественному ремеслу, имел проблемы с проживанием в столице.

Процентной нормой был резко ограничен прием еврейской молодежи в российские вузы. Состоятельные родители вынуждены были посылать своих детей для получения образования за границу. Подавляющее же большинство еврейского населения – беднота, не имело доступа не только к высшему, но и среднему светскому образованию. Евреев не допускали на государственную службу. А в армии, несмотря на способности отдельных индивидуумов к воинскому делу, воинскую доблесть, оцененную солдатскими крестами, их военная карьера была невозможна. Чтобы стать офицером русской армии, необходимо было порвать с верой отцов и перейти в православие. Евреи не имели права владеть землей. Исключение составляли отдельные малонаселенные районы Таврии, где еврейское земледелие было разрешено и даже поощрялось.

К этому следует добавить полицейский произвол, презрительное отношение чиновников к еврейской бедноте и, нередко, погромные настроения среди местного православного населения, целенаправленно подогреваемые распространяемыми слухами, – например, об использовании крови христианских младенцев при выпечке пасхальной мацы, – инспирируемыми по этому поводу судебными процессами типа «дела Бейлиса».

Нельзя сказать, чтобы это именно царь Николай II ввел вышеупомянутые запретительные и ограничительные меры по отношению к еврейскому населению. Все это в том или ином виде существовало многими десятилетиями до него, и было одобряемо немалым числом представителей титульной нации. При Александре II многие ограничения были ослаблены, но после волны погромов, последовавших за убийством царя-освободителя, вступивший на престол Александр III вновь ужесточил законодательство в отношении евреев.

Умудренный опытом первой русской революции премьер-реформатор Столыпин в октябре 1906 года представил царю предложения «о пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». Они были отвергнуты царем с мотивировкой: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя». По-видимому, нерешительность царя была вызвана не только воспитанием, но и его окружением, господством черносотенных настроений при царском дворе, в частности, влиянием на царя великого князя Николая Николаевича. Государь открыто провозглашал черносотенцев как первых людей империи, как образцы патриотизма. При всех своих прекрасных душевных качествах царь Николай II был все же человеком недалеким. Это, разумеется, только мое мнение.

Российская реальность толкала еврейскую молодежь в революцию, альтернативой которой могла быть только эмиграция. Прочему же робкому и нерешительному большинству сынов и дочерей Израиля оставалось жалкое прозябание на родине в вечной нужде, в страхе перед погромами, без перспектив, без будущего.

Но дело, по-видимому, не только в «российской реальности». Как заметил в свое время Ленин, участие евреев в демократических и революционных движениях везде выше процента еврейского меньшинства в

народонаселении. Эту особенность отмечали и другие. А вот что утверждал русский писатель А. В. Амфитеатров («Происхождение антисемитизма»):

«Евреи не могут не делать революции – активной или пассивной, потому что социальные революции во имя закона справедливости – их характер, их назначение их история среди народов. В этих бесконечных революциях они потеряли все: национальную территорию, политическую самостоятельность, храм, язык – все вещественное, что связывают собою народы, и все-таки остались народным целым, может быть, непоколебимым и недробимым более чем все другие народные целые, которые очень заботятся о своих национальных территориях, политической самостоятельности, храме, языке... Да, еврейство – революционная сила в мире, – и это не потому только, что евреям худо живется среди народов в своем рассеянии и что они изнемогают в бесправном страдании от подозрительных гонений. Еврейское революционерство далеко не простой и грубый ответ на преследование еврейства. Те, кто угадали в погромах, в чертах оседлости, в разновидностях гетто – с одной стороны, в еврейском революционерстве – с другой, элементы классовой борьбы, глубоко правы. Еврей осужден на революционерство потому, что в гromaх Синая ему заповедано быть социалистическим ферментом в тесте мира, видоизменяющего типы буржуазного рабства. Евреи никогда не были довольны ни одним правительством, под власть которого отдавала их историческая судьба. И не могут они быть довольны и не будут, потому что идеал совершенной демократии, заложенный в душе их, никогда еще не был осуществлен. А борьба за этот идеал – вся их история...». Эта особенность евреев как этноса вызывала закономерную неприязнь к ним у сильных мира сего: вождей, диктаторов, самодержцев, правящих империями. Не жаловали их и некоторые представители русской интеллигенции – главным образом, из патриотических побуждений. Но тут уже ничего не поделаешь.

Наибольшего напряжения революция 1905 года достигла в начале декабря. Решение о вооруженном восстании принял Московский Совет рабочих депутатов, о чем по поручению Московского комитета РСДРП объявил на митинге большевик Литвин-Седой. Ряд районов Москвы покрылся сетью баррикад. Рабочие боевые дружины были немногочисленны – всего, по оценкам современников, от пяти до десяти тысяч человек. Однако благодаря мужеству и координированным действиям дружинников повстанцы в течение двух недель держали в напряжении полицию и гарнизон города, который сам по себе был не вполне благонадежен. Градоначальник Москвы докладывал в Петербург о том, что, путем возведения баррикад, мятежники постепенно суживают их кольцо к центру города. Баррикады парализовали действия гарнизона, а мобильные группы дружинников устраивали партизанские вылазки на «вражескую» территорию, используя свое главное оружие – самодельные бомбы. Однако в целом тактика повстанцев была, скорее, оборонительной и выжидательной, так как ни по своей численности, ни по наличному оружию они не могли без посторонней помощи противостоять гарнизону города.

Помощь, однако, пришла противнику – в виде лейб-гвардии Семеновского полка, прибывшего в Москву по не занятой повстанцами Николаевской железной дороге. Семеновцы, а затем прибывшие в город другие полки уже к 15 декабря отбили у восставших все вокзалы столицы и стали громить баррикады артиллерией. По приказу полковника Мина раненных дружинников прикалывали штыками; пленных ждала жестокая и скорая расправа. По железной дороге в разных направлениях от Москвы двигались отряды карателей, которые в рабочих поселках без лишних формальностей расстреливали руководителей местных Советов рабочих депутатов, лидеров социал-демократов и прочих врагов режима, – кто не успел скрыться. А в

«первопрестольной» черносотенцы вздергивали дружинников на столбах. Женщин, схваченных при оружии, нередко насиловали.

13 августа 1906 года командир лейб-гвардии Семеновского полка Г.А. Мин, повышенный в звании до генерал-майора, был застрелен террористкой пятью выстрелами в упор. Еще раньше было совершено покушение на московского генерал-губернатора Дубасова. Он был сильно обожжен, однако остался жив, а бросивший бомбу террорист погиб на месте.

Последний оплот декабрьского вооруженного восстания в Москве – Пресня, впоследствии переименованная в «Красную Пресню». Последний приказ штаба пресненских боевых дружин гласил: «...Мы начали. Мы кончаем. Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это – ничего. Будущее – за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству...».

Несмотря на все издержки и пролитую кровь, революция 1905 года достигла немалых результатов: она изменила политический облик страны. Россия стала конституционной монархией и имела шанс на развитие гражданского общества в цивилизованном русле по пути, пройденному другими европейскими странами. Не получилось. Россия, как всегда, пошла своим путем.

Таков общий фон событий революции 1905 года, как я это себе представляю. А теперь – об участии в этих событиях Льва Троцкого. О шествии рабочих к Зимнему дворцу и дальнейших событиях 9 (23) января Троцкий узнал, находясь в Женеве. В книге «Моя жизнь» он пишет об этом следующее.

«23 января (1905) утром я вернулся в Женеву с рефератной поездки, усталый и разбитый после бессонной ночи в вагоне. Мальчишка продал мне вчерашний номер газеты. О шествии рабочих к Зимнему дворцу говорилось в будущем. Я решил, что оно не состоялось. Через час – два я зашел в редакцию «Искры». Мартов был взволнован до крайности. «Не состоялось?» – спросил я его. «Как не состоялось? – накинулся он на меня. – Мы всю ночь просидели в кафе, читая свежие телеграммы. Неужели вы не знаете? Вот, вот, вот...» И он совал мне газету. Я пробежал первые десять строк телеграфного отчета о кровавом воскресенье. Глухая и жгучая волна ударила мне в голову».

Остаться за границей Троцкий не мог. С большевиками связи не было, с меньшевиками к тому времени он организационно порвал. Пришлось действовать на свой страх и риск. Через Мюнхен, где Троцкий с женой некоторое время жили у Парвуса, и Вену, где Виктор Адлер достал эмигрантам деньги, паспорта, адреса, изменив у парикмахера внешность, по поддельному паспорту на имя отставного прапорщика Арбузова Троцкий в феврале прибыл в Киев. В Киеве, переходя с одной конспиративной квартиры на другую, Троцкий писал прокламации, которые печатались в нелегальной типографии под носом у самого жандармского генерала Новицкого. Ряд листовок были напечатаны в типографии инженера Красина, входившего тогда в состав большевистского ЦК. От него же Троцкий получил явки в Петербурге, куда вскоре перебрался на конспиративную квартиру. В Петербурге он сотрудничал с местной группой меньшевиков, которая вела очень революционную линию. Но группа вскоре была провалена провокатором, знавшим Троцкого в лицо. Пришлось скрыться в Финляндию, где наступила передышка, заполненная напряженной литературной работой.

С началом октябрьской стачки Троцкий возвращается в Петербург с подготовленным им планом выборной беспартийной организации – по делегату от 1000 рабочих. Инициатива создания выборного революционного органа также исходила и от меньшевиков. Однако находившаяся в Петербурге часть большевистского ЦК была решительно против такой организации, опасаясь с ее стороны конкуренции. Троцкий пишет в своих воспоминаниях:

«Сектантское отношение большевистских верхов к Совету продолжалось до приезда Ленина в Россию в ноябре. О руководстве «ленинцев» без Ленина можно бы вообще написать поучительную главу. Ленин в такой неизмеримой степени превосходил своих ближайших учеников, что они чувствовали себя при нем как бы раз навсегда освобожденными от необходимости самостоятельно разрешать теоретические и тактические проблемы. Оторванные в критическую минуту от Ленина – они поражали своей беспомощностью. Так было осенью 1905 г. Так было весной 1917 г... Запоздалый приезд Ленина из-за границы был одной из причин того, почему большевистской фракции не удалось занять руководящего положения в событиях первой революции».

Троцкий с женой под фамилией Викентьевых сняли комнату у биржевого спекулянта. Из-за революционных событий дела на бирже становились все хуже, спекулянт терпел убытки и был в отчаянии. Однажды он схватил газету с напечатанной в ней статьей Троцкого и заявил жене Троцкого, Наталье Седовой, что если бы ему попался этот каторжник, то он бы застрелил его вот из этого пистолета. Однако на поиски другой квартиры времени не было.

«18 октября, на другой день после опубликования царского манифеста, – пишет Троцкий, – перед петербургским университетом стояли многие десятки тысяч, не остывшие от борьбы и опьяненные восторгом первой победы. Я кричал им с балкона, что полупобеда ненадежна, что враг непримирим, что впереди западня, я рвал царский манифест и пускал его клочья по ветру. Но такого рода политические предупреждения оставляют только легкие царапины в сознании массы...»

В Совете Троцкий выступал под фамилией Яновский, свои статьи подписывал как Троцкий. Он сотрудничал сразу в трех газетах:

- вместе с Парвусом издавал «Русскую газету», тираж которой в течение нескольких дней поднялся с 30 до 100000 экземпляров. Через месяц заказ на газету вырос до полумиллиона, но выход ее в таком количестве экземпляров был невозможен по техническим причинам;

- вместе с меньшевиками с середины ноября начал выпуск политической газеты «Начало», тираж которой рос не по дням, а по часам;

- писал передовицы в официальном органе Петербургского Совета «Известия».

Первым председателем Совета накануне приезда Троцкого из Финляндии был избран молодой адвокат Носарь-Хрусталеv, по мнению Троцкого – случайная в революции фигура. Хрусталеv председательствовал, но политически не руководил. После его ареста был выбран президиум, возглавляемый Троцким, который фактически с самого начала руководил работой Совета. Троцкий был автором многочисленных воззваний, манифестов, резолюций, участвовал в непрерывных митингах. Так продолжалось 52 дня существования первого Петербургского Совета.

Как в это, так и в более позднее время современники поражались работоспособности Троцкого и иногда ставили его в пример. Правда, некоторым это стоило головы. В своем «Романе-воспоминании» Анатолий Рыбаков описал случай, когда старый большевик Каплан – заместитель директора института, в котором он учился – однажды сказал, что образцом работоспособности может служить Троцкий, о котором он теперь вспоминает с горечью и осуждением, как о перешедшем на сторону врагов...». Эта оговорка не спасла. Вскоре его сняли с работы, затем арестовали и расстреляли.

Борьба не прошла даром. Рабочие Петербурга целиком стояли за Совет, который превратился в орган рабочего самоуправления. В Петербурге не было вооруженного выступления рабочих дружин подобно тому, которое имело место в Москве в декабре 1905 года. Тем не менее в обстановке паралича, вызванного октябрьской стачкой, власти вынуждены были считаться с руководством Совета и вести с ним переговоры. Сам премьер-министр Витте,

несмотря на крайнюю занятость, принимал депутации Совета. Петербургский Совет решал вопросы всеобщей стачки, восьмичасового рабочего дня, проведения в жизнь мер по обеспечению гражданских прав населения, которые были обещаны властями, записаны в царском манифесте.

В учебниках истории, по которым нам преподавали в школе, немало места было уделено декабрьскому вооруженному восстанию в Москве. О Петербургском Совете, возглавляемом Хрусталевым – Носарем, (о Троцком – ни слова!) упоминалось вскользь, что лично у меня вызывало удивление. Причины этого – чисто конъюнктурные.

Как уже было сказано, деятельность Петербургского Совета продолжалась 52 дня. Вечером третьего декабря Совет был окружен войсками; входы и выходы были заблокированы. С хоров, где заседал Исполнительный Комитет, в низ зала, где толпились уже сотни депутатов, Троцкий крикнул: «Соппротивления не оказывать, оружие врагу не сдавать». Все личное оружие рабочие привели в негодность. Далее последовали аресты. Была ли альтернатива такому решению? Альтернативой могла быть только героическая смерть в бою всех депутатов, что не оставляло шансов для дальнейшей борьбы.

Опыт революции 1905 года впоследствии был обобщен Троцким изданием книги «Россия в революции», которая затем многократно переиздавалась под заглавием «1905 год». После Октябрьского переворота эта книга приобрела характер официального учебника партии не только в России, но и у коммунистических партий Запада. После смерти Ленина, когда началась кампания против Троцкого, в полосу обстрела была вовлечена и эта книга. Троцкий пишет: «...постепенно критика смелела, нагнела и становилась тем более шумной, чем более ей приходилось заглушать голос собственной тревоги. Так создана была задним числом легенда о борьбе Ленина и Троцкого в революции 1905 года».

Как высказывались современники о роли Л. Троцкого в русской революции 1905 года? В воспоминаниях Троцкого приводятся слова А. Луначарского из книги «Силуэты», состоящей ныне под запретом: «Популярность его (Троцкого) среди петербургского пролетариата ко времени ареста была очень велика и еще увеличилась в результате его необыкновенно картинного и героического поведения на суде. Я должен сказать, что Троцкий из всех социал-демократических вождей 1905 – 1906 годов, несомненно, показал себя, несмотря на свою молодость, наиболее подготовленным. Он больше других чувствовал, что такое государственная борьба. И вышел он из революции с наибольшим приобретением в смысле популярности: ни Ленин, ни Мартов не выиграли в сущности ничего. Плеханов очень много проиграл. Троцкий же с этих пор стал в первый ряд».

Далее заканчивает уже сам Троцкий: «Эти слова, написанные в 1923 году, звучат тем более выразительно, что сегодня Луначарский – не очень «картинно» и не очень «героически» – пишет прямо противоположное».

Арест Исполнительного комитета Совета последовал на второй день после опубликования так называемого финансового манифеста, который провозглашал неизбежность финансового банкротства царизма и категорически предупреждал, что долговые обязательства Романовых не будут признаны победоносным народом. В последующий период этот манифест ни на что не повлиял, и царь продолжал получать зарубежные займы. Но после победы Октябрьской революции декрет Совета Народных Комиссаров от 10 февраля 1918 г. объявил все царские

долги аннулированными. Кредиторы царизма были своевременно предупреждены Петербургским Советом еще в 1905 г.

После ареста Троцкий был помещен в «Кресты», затем в Петропавловскую крепость, а под конец – в Дом предварительного заключения. Перед отправкой в Сибирь он еще побывал в пересыльной тюрьме. Обстановка в тюрьмах после революции 1905 г. была относительно либеральной, что позволяло Троцкому заниматься литературной деятельностью. В частности, он продолжал заниматься обоснованием теории перманентной революции, писал и передавал на волю по частям книгу «Россия и революция», в которой он высказал мысль о том, что революция, начавшаяся в России, не может закончиться до тех пор, пока не будет установлен социалистический строй.

Судебный процесс по делу Петербургского Совета открылся 19 сентября 1906 г. «в медовые недели столыпинских военно-полевых судов». Троцкий придавал большое политическое значение этому процессу. На самом процессе он говорил о месте вооруженного восстания в революции. После выступления два десятка защитников подходили к нему с рукопожатиями... Троцкого и 14 других обвиняемых приговорили к ссылке на вечное поселение в Восточную Сибирь с лишением всех гражданских прав. Это был сравнительно мягкий приговор. Все ждали каторги.

В пересыльной тюрьме всех заключенных заставили переодеться в арестантскую одежду, но разрешили оставить свою обувь. Это вселяло некоторые надежды. В подошве ботинка у Троцкого был запечатан новый паспорт, а в высоких каблуках – золотые червонцы. До Тюмени на место ссылки ехали по железной дороге. Далее отправились на лошадях; на 33-й день пути доехали до Березова, где заключенным дали остановку на два дня. Предстояло совершить еще около 500 верст до Обдорска – конечного пункта. Троцкий решил бежать, но не по главной дороге вдоль русла Оби, где бы он был неминуемо пойман, а по бездорожью, по руслу Сосьвы, в сторону Урала. В той стороне никакой полиции нет, ни одного русского поселения, только остяцкие юрты. На всем протяжении пути нет даже лошадей, тракт исключительно оленей. Полиция не догонит, зато можно затеряться в пустыне, погибнуть в снегах. Стоял февраль.

По совету одного ссыльного доктора Троцкий симулировал ишиас, чтобы остаться на несколько дней в Березове. С помощью местного крестьянина по прозвищу «козья ножка» он нашел проводника-зырянина, ловкого и бывалого, и притом – лютого пьяницу. Он и вывез Троцкого на дровнях из Березова. Затем пересели на легкие нарты, влекомые тремя оленями. Путешествие длилось неделю. Беглецы проделали 700 километров и приблизились к Уралу. При появлении первых признаков цивилизации Троцкий выдавал себя за инженера из полярной экспедиции барона Толя. Затем продолжил путь в качестве «чиновника» сначала по местной узкоколейке, а затем по железной дороге. На одной из остановок он по телеграфу вызвал жену на станцию, где скрещивались поезда...

Далее – Петербург, встреча с друзьями в артиллерийском училище, Финляндский вокзал, временное убежище в Финляндии. Через несколько дней Троцкий, оставив пока жену с новорожденным сыном в России, отправился в Стокгольм. До границы его провожала молодая финская активистка. Троцкий пишет в воспоминаниях: «В тот период это были друзья. В 1917 году они стали фашистами и заклятыми врагами Октябрьской революции».

Исход революции и вторая эмиграция

Революция шла на спад. 1906 год был ознаменован крестьянскими волнениями, восстаниями на флоте, которые были жестоко подавлены, а их руководители – повешены, а также многочисленными эсеровскими актами возмездия. В целом же в России при премьер-министре Столыпине, сменившем либерала Витте, постепенно наступала стабильность. Тысячи активных участников «смуты» были казнены, – в городах и весях действовали полевые суды, посылались карательные отряды; другие оказались в местах «не столь отдаленных» и очень отдаленных. Кроме ведения дел охранительных и карательных от разбушевавшегося революционного террора разносторонний Столыпин пытался реформировать Россию, чтобы уберечь ее от новых потрясений. Он проводил земельную реформу, переселял безземельных крестьян в необжитые просторы Сибири и Средней Азии. В достижении поставленных целей Столыпин был очень настойчив, энергичен, бесстрашен и удачлив, чем вызывал зависть и неприязнь у более именитых царедворцев. В обиход того времени вошли неологизмы языка, вышедшие из стен Государственной Думы: «столыпинские вагоны», «столыпинские галстуки».

Последний «столыпинский галстук» был накинута на шею анархисту-максималисту Дмитрию Богрову, – по совпадению – соплеменнику Троцкого, – застрелившему 1 сентября 1911 года самого Столыпина. Убийство произошло в антракте оперы «Сказка о царе Салтане» в зале Киевского оперного театра, заполненного представителями «высшего света»: министрами, военными, роскошно одетыми дамами, в присутствии самого государя с его дочерьми, бдительно охраняемом полицией и жандармами. Богров шел к этой цели с упорством сомнамбулы и переиграл всех. В объяснение этого поступка А.И. Солженицын в романе «Красное колесо» вложил в уста Богрова следующие слова, сказанные им эсеру Лазареву в Петербурге за год до покушения на Столыпина: «Он (Столыпин) – самая злобная фигура, центральная опора этого режима. Если можно так выразиться, он слишком хорош для этой страны. Я решил выкинуть его с политической арены по моим индивидуальным идеологическим соображениям. К тому же, есть и хорошая традиция убивать именно министров внутренних дел. Это место должно обжигать».

Существуют разные версии мотивов этого преступления. По одной из них Богровым руководили вовсе не идейные соображения, а тщеславие: таким странным образом он решил прославиться. Однако тогда тот же критерий следовало бы применить к сотням других боевиков, избравших тактику индивидуального террора. Другие утверждали, что он пошел на это дело, боясь разоблачения как агента охраны, – коим он действительно был с 1907 года, и это облегчало Богрову прямой выход на Столыпина, – и предпочтя товарищескому суду «героическую смерть». Третьи – что сама охранка, действуя в интересах неких «тайных сил», решила устранить Столыпина руками Богрова. Возможно, правы все сразу. Но это вовсе не исключает наличия собственных побудительных мотивов, высказанных Богровым на упомянутом свидании с Лазаревым. Не менее убедительно звучали и следующие его слова:

«...Я еврей... И позвольте Вам напомнить, что мы до сих пор живем под господством черносотенных вождей. Евреи никогда не забудут Крушеванова, Дубровиных, Пуришкевичей и тому подобных злодеев. А Герценштейн? А где Иоллос? Где сотни, тысячи растерзанных евреев – мужчин, женщин и детей с распоротыми животами, с обрезанными носами и ушами. Вы знаете, что властным руководителем идущей теперь дикой реакции является Столыпин. Я прихожу к Вам и говорю, что я решил устранить его...». Михаил Герценштейн

и Григорий Иоллос – депутаты первой Думы и сотрудники либеральной газеты «Русские ведомости». Оба были убиты черносотенцами в 1907 году. Следствие по этому преступлению не велось.

Петр Аркадьевич Столыпин, – для одних «вешатель», для других – «великий реформатор», – был недооценен его современниками. Крутыми мерами ему удалось вытащить Россию из революционной воронки 1905 – 1906 годов и в законодательном порядке во многом преобразовать ее в последующие пять лет, когда он возглавлял кабинет министров. Он делал это вопреки всеобщему сопротивлению – со стороны несговорчивой Государственной Думы, Государственного Совета, начиненного чванливыми отставными сановниками, жившими позавчерашним днем Империи, и самого переменчивого в своих настроениях царя Николая II. Настойчиво и неотступно проводил он свои реформы по пути модернизации России и во многом преуспел. Возможно, преуспел бы больше, если бы не тот роковой выстрел. Но еще за несколько месяцев до этого, вследствие постоянно плетущихся вокруг его имени интриг, Столыпин потерял влияние на царя, после чего его всеми ожидаемая отставка стала вопросом времени. Таким образом «троечники» в классе, угнетаемые авторитетным «отличником», отомстили ему за свое унижение.

На торжествах, посвященных открытию памятника Александру II, формально еще являясь действующим премьер-министром, он оказался в положении «бывшего» и не был в должной мере охраняем, несмотря на предупреждение самого террориста, – небывалый в истории случай! – о готовящемся на него покушении. Избежав смерти в ряде прошлых покушений с участием групп боевиков, он оказался беззащитен от двух пуль террориста-одиночки. Умирал он, окруженный только близкими, покинутый первыми лицами государства и не удостоенный даже внимания самого монарха, которого уберег от революции. Неприятен был Столыпин царю и его царственной супруге: был избыточно самолюбив и порой непозволительно дерзок в своих поступках, заслоняя собою самого государя. Когда была эта безобразная смута – был полезен, делал нужное дело, а теперь – вполне заменим. На этих праздничных мероприятиях Николай II имел много поводов ощутить любовь народа к своему государю. Нет, определенно, засиделся Столыпин в кресле премьера...

Ну, а может быть Столыпин и в самом деле слишком хорош для России? Его убийство нанесло чувствительный удар по монархии Романовых – прежде всего, психологически. Оказалось, что в этом государстве реально некому ее защитить: вся его мощь уходит в парады и фейерверки. Можно сказать и так – это убийство стало предвестником краха режима, что и произошло несколькими годами позже. А на исходе революции тогда еще живой и деятельный Столыпин, с целью усмирить непокорную «левую» думу – законнорожденное дитя революции – и заставить ее работать в конструктивном русле, 3 июня 1907 года совершил, как тогда говорили, антиконституционный переворот. Он разогнал вторую Думу и законодательно изменил представительство сословий. После этого в третьей Думе революционная «фронта» режиму была количественно низведена до ничтожного минимума, зато подавляюще превалировали правые и либералы – представители землевладельцев и капитала.

Остатки революции ушли в подполье или скрылись за границей, кто временно, а кто и навсегда. Многие, разочаровавшись, вообще ушли из «политики», для других настала пора разброда и шатаний, переоценки ценностей. Бывшие соратники по борьбе предъявляли претензии большевикам, ставя им в вину их максимализм. И это накладывалось на разгул реакции, ее стремление низвести к минимуму завоеванные революцией демократические права и свободы граждан. В поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» есть такие слова (цитирую не в традиционном для Маяковского стиле стиха лесенкой):

*«Зверела реакция. Интеллигентчики
ушли от всего и все изгадили.*

*Заперлись дома, достали свечки,
ладан курят – богоискатели.
Сам заскулил товарищ Плеханов:
– Ваша вина, запутали, братцы!
Вот и пустили крови лохани!
Нечего зря за оружие браться.*

*Ленин в этот скулеж недужный
врезал голос бодрый и зычный:
– Нет, за оружие браться нужно,
только более решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова поднимется рабочий класс.
Не защита – нападение
стать должно лозунгом масс.
– И этот год в кровавой пене
и эти раны в рабочем стане
покажутся школой первой ступени
в грозе и буре грядущих восстаний...»*

Основная борьба идей происходила в эмиграции. Излагая эту главу, я вновь обращаюсь к воспоминаниям Троцкого в книге «Моя жизнь».

После побега из России Троцкий успел еще на Лондонский объединительный съезд российской социал-демократии, состоявшийся в 1907 году. Никакого объединения не произошло: никто не пожелал «поступаться принципами». Троцкий же пытался довести до соратников свои идеи «перманентной революции» и нашел у некоторых взаимопонимание, в частности, у Розы Люксембург. Да и с Лениным наблюдалось совпадение во взглядах в отношении интересов пролетариата и крестьянства.

Во время второй эмиграции Троцкий с семьей около семи лет прожил в Вене. Состоял членом австрийской социал-демократии, посещал ее собрания, участвовал в демонстрациях, сотрудничал в газетах и журналах. Он познакомился с ее лидерами, но ощущал их чуждыми себе людьми и ни с кем не сблизился. По словам Троцкого, они не были революционерами, более того, представляли собой человеческий тип, противоположный типу революционера. Он писал: «В непринужденной беседе между собой они гораздо откровеннее, чем в статьях и речах, обнаруживали то неприкрытый шовинизм, то хвастовство мелкого приобретателя, то священный трепет перед полицией, то пошлость в отношении к женщине. Психологически они сложились в эпоху реформ, в относительно спокойной, благополучной обстановке дряхлеющей Австрийской Империи».

Совершенно иной тип революционера, по мнению Троцкого, представляли Маркс и Энгельс, что следовало, в частности, из их взаимной переписки. Троцкий пишет: «...Они могут быть беспощадны, но не вероломны; для внешнего блеска, титулов, чинов, званий у них есть только спокойное презрение. То, что филистеры и пошляки считали их аристократизмом, было на самом деле их революционным превосходством. Главная его черта – полная органическая независимость от официального общественного мнения всегда и при всех условиях».

Из австрийских лидеров более всех был расположен к Троцкому Виктор Адлер – знакомый еще по первой эмиграции. Это расположение, среди прочих, имело вполне конкретную причину: ведь всеобщее избирательное право для Австрии было, по мнению Троцкого, по существу, завоевано Петербургским Советом рабочих депутатов.

Немецкая социал-демократия в то время считалась самой мощной в Европе и мире. Из ее лидеров Троцкий был знаком с Францем Мерингом, Карлом Либкнехтом, Каутским, Бебелем и его преемником Газе. Каутский, один из старых и наиболее авторитетных лидеров, прозванный «папой интернационала», был реформатором и революцию видел лишь в туманной исторической перспективе. К русской революции он относился сочувственно, но был органически враждебен перенесению революционных методов на германскую почву. Подобное отношение к революции было вообще характерно для большинства лидеров европейской социал-демократии довоенного благоденствия: кому нужны эти потрясения, если разумные социальные цели могут быть достигнуты мирными парламентскими методами. В противоположность большинству немецких лидеров, Карл Либкнехт по своему характеру был революционер и оставался наполовину чужаком в доме германской социал-демократии «с ее чиновничьей размеренностью и всегдашней готовностью отступать».

В этот довоенный период эмиграции между Троцким и Лениным периодически разгоралась ожесточенная полемика в печати по идейным, тактическим и организационным вопросам, доходившая до взаимных оскорблений. Критика в адрес Троцкого шла и со стороны меньшевиков. Впрочем, по части навешивания ярлыков гораздо более преуспел именно Ленин. Его выражение относительно «Иудушки Троцкого» – как раз из этого времени полемических баталий. Тогда же из уст Ленина выпорхнуло слово «троцкисты», которое сыграет роковую роль для Троцкого и его сторонников во внутрипартийной борьбе, развернувшейся после смерти Ленина. Но тогда, позже, это слово будет нести совершенно иную смысловую нагрузку. Ленин же ставил в упрек Троцкому его беспринципность, стремление стать «над схваткой» в проводимой им линии на сближение обеих фракций расколовшейся российской социал-демократии, его «заигрывание» с различными небольшевистскими и отколовшимися от большевиков группами.

В этой изнурительной фракционной борьбе кроме принципиальных вопросов, расколовших на втором съезде российскую социал-демократию на две непримиримые группировки, большое значение имел и вопрос лидерства. Ленин по своим природным данным был прирожденным лидером и не желал уступать эту роль никому. Это было самоочевидно, и никем из его сподвижников под сомнение не ставилось. Но после смерти Ленина у большевиков не нашлось достойного преемника, – Троцкий здесь не рассматривается. Поэтому для этой партии все закончилось так плохо...

Однако Ленин не был первым, кто изобрел «троцкизм». Пальма первенства, по словам Троцкого, принадлежит профессору Милюкову, – бывшему председателю партии кадетов в Государственной Думе, – который возражал Троцкому по поводу диктатуры пролетариата: «Идея диктатуры пролетариата – ведь эта идея чисто детская, и серьезно ни один человек в Европе ее не будет поддерживать».

В октябре 1908 г. Троцкий начал издавать в Вене русскую газету «Правда». В Россию она доставлялась контрабандным путем. Над заголовком газеты было пропечатано: «Российская социал-демократическая рабочая партия», «Рабочая газета» и был пропечатан лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Газета выходила не чаще двух раз в месяц в течение трех с половиной лет. Главным сотрудником был А.А. Иоффе, впоследствии активный участник революции 1917 года и советский дипломат. Позже газету с таким же названием и лозунгом начнут выпускать большевики и сделают ее своим главным печатным органом.

В августе 1912 года Троцкий сделал попытку созвать объединенную конференцию из представителей социал-демократических фракций. Но Ленин решительно воспротивился объединению, и конференция в Вене была созвана без большевиков. В итоге Троцкий формально оказался в блоке с меньшевиками и отдельными группами большевиков-диссидентов, – так

называемый «августовский блок». К этому времени в российской социал-демократии идейно оформились две тенденции: социально-революционная и демократически-реформистская. Их объединение в рамках единой партии стало уже невозможно.

С началом Балканской войны газета «Киевская мысль» предложила Троцкому отправиться военным корреспондентом на Балканы. Свои статьи он подписывал под псевдонимом «Антид Ото». Троцкий пишет в воспоминаниях: «Я открыл в своих статьях борьбу против лжи славянофильства, против шовинизма вообще, против иллюзий войны, против научно-организованной системы одурачивания общественного мнения. Редакция «Киевской мысли» нашла в себе достаточно решимости, чтобы напечатать мою статью, рассказывающую о болгарских зверствах над ранеными и пленными турками и изобличающую заговор молчания русской печати. Это вызвало бурю возмущения в либеральных кругах. Правительственные газеты делали намеки, что под псевдонимом Антид Ото скрывается не только эмигрант, но и австро-венгерский агент».

В этом месте я сделаю небольшое отступление. «Болгарские зверства» над пленными турками, возможно, имели весомые исторические предпосылки. Но в любом случае зверства не имеют морального оправдания. А вот с «научно-организованной системой одурачивания общественного мнения» во времена войн и конфликтов мы знакомы с самого детства. Вероятно, эта тенденция в той или иной степени проявляется почти повсеместно, но в России она имеет исторические традиции.

Кто жил в послевоенное время хорошо помнит и ввод советских войск в Венгрию в 1956 году «для оказания помощи венгерскому народу в его борьбе с контрреволюцией», и ввод их в Чехословакию в 1968 году «по просьбе правительства этой страны», и ввод в Афганистан «для оказания интернациональной помощи братскому афганскому народу», и противодействие «наглой агрессии израильской военщины» против мирных народов арабских стран в 1967 году. Во все перечисленные драматические моменты истории и им подобные народ и партия были у нас едины. По всем телевизионным каналам гремел всеобщий «одобрям» или «осуждам», – смотря по ситуации. И не было слышно голосов иных. А коль таковые по чьему-либо недосмотру все-таки иногда появлялись, бывали тут же затоптаны вместе с их носителями. И главную роль во всеобщем единении играла эта пресловутая научно-организованная система формирования общественного мнения, которая, благодаря современным средствам коммуникации, приобретала поистине тотальный характер. Ничего в этом плане не изменилось и в наше время. Вспомним героические дни «принуждения к миру зарвавшихся грузинских агрессоров» в августе 2008 года путем отторжения от Грузии четверти ее территории – опять всеобщий «одобрям» по всем телевизионным каналам. Так было всегда, так будет и потом. В безальтернативной информационной среде новостные и аналитические программы ТВ легко оборачиваются парадом лжецов.

Начало мировой войны, август 1914 года, застало Троцкого в Австрии. Под впечатлением того времени он пишет:

«...Какое отношение к войне нашел я в руководящих кругах австрийской социал-демократии? Одни открыто радовались ей, сквернословили в адрес сербов и русских, не очень отличая правительства от народов: это были ограниченные националисты, чуть-чуть прикрытые лаком социалистической культуры, который теперь сползал с них не по дням, а по часам. Дру-

гие – и во главе их стоял Виктор Адлер – относились к войне, как к внешней катастрофе, которую нужно было перетерпеть».

Из опасения быть арестованным в качестве подданного России Троцкий с семьей перебирается в швейцарский Цюрих. Наблюдая оттуда происходящее, Троцкий заключает: «...Дело идет о крушении Интернационала в самую ответственную эпоху, по отношению к которой вся предыдущая работа была только подготовкой...». В ноябре 1914 года в качестве корреспондента «Киевской мысли» Троцкий прибывает во Францию. Вскоре по приезду в Париж он стал работать в ежедневной эмигрантской газете «Наше слово» антивоенной и антимилитаристской направленности.

В сентябре 1915 года в швейцарской деревушке Циммервальд была созвана конференция представителей европейской социал-демократии – решительных противников войны. Их было так немного, что все они по пути к месту назначения разместились на четырех повозках. Революционное крыло циммервальдцев возглавлял Ленин; большинство же принадлежало к пацифистскому крылу. Все с трудом сошлись в одном манифесте, проект которого подготовил Троцкий. Циммервальдская конференция дала толчок развитию антивоенного движения.

Тем временем вокруг газеты «Наше слово» сгущались тучи. Редакция все чаще получала анонимные письма с угрозами, вокруг типографии терлись подозрительные лица. Обвинения и угрозы исходили от русского правительства в связи с антивоенной направленностью газеты. В результате провокации, организованной русской охранкой, в сентябре 1916 года колеблющееся до этого французское правительство закрыло газету «Наше слово». Разорить это гнездо русских революционеров царская дипломатия желала давно. Одновременно был подписан приказ о высылке Троцкого из Франции, и парижская префектура предложила ему самому выбрать страну проживания. Но Англия и Италия отказались от чести оказать ему гостеприимство, то же – и Швейцария, – под давлением русского правительства. Оставалась Испания.

В Испанию Троцкий выезжать добровольно отказался, но через несколько месяцев был насильно препровожден туда двумя полицейскими инспекторами. Сначала Сан-Себастьян, затем Мадрид. По признанию Троцкого, он оказался в городе, где никого не знал и где никто не знал его. А так как он не знал еще и испанского языка, то не мог быть более одиноким, скажем, в Сахаре или в Петропавловской крепости. К тому же, секретарь социалистической партии Испании Ангиано, которого Троцкий намеревался посетить, оказался посаженным в тюрьму на 15 суток за непочтительный отзыв о каком-то католическом святом.

Такое поведение властей Испании образца 1916 года, еще не вполне очнувшейся от сна средневековья, сегодня вызвало бы лишь ностальгическую улыбку. А вот как чтут святых в нашем отечестве и в наше время. В 2009 году некий незадачливый журналист выразил в местной прессе осторожное сомнение в реальности брэнного существования президента Татарстана Минтимера Шаймиева, который давно не показывался на людях и не был замечен в какой-либо деятельности. И поползли слухи... однако слухи эти оказались сильно преувеличенными и несколько преждевременными. И что же? Журналуге этому дали не 15 суток ареста. По приговору суда ему светил реальный срок на нарах «за оскорбление чести, достоинства и подрыв деловой репутации» высокочтимого регионального святого, коим и являлся Минтимер Шарипович.

Или еще пример. Один известный у нас политик из числа неподпускаемых к «голубому экрану» сподобился выпустить большим тиражом брошюру о масштабах коррупции в столице нашей родины и, в частности – о поразительных успехах бизнеса супруги действующего мэра. О всеобщей коррупции в Большом городе и без того знала каждая московская дворняжка. Но в брошюре все масштабно обобщено, вещи

названы своими именами. И что же, наказала наша фемида коррупционеров? Отнюдь, этот вопрос московскими судами даже не рассматривался. Но автора брошюры приговорили к крупному денежному штрафу и потребовали от него опровержения того научно установленного факта, что дважды два равняется четырем. И опять же – за оскорбление чести и достоинства, подрыв деловой репутации этого чтимого прихожанами столицы крупного регионального святого.

Однако после того как последний, забронзовевший в своей святости, осмелился перечить самому главному на тот период святому, – уже федерального уровня, – этот послушник был немедленно сброшен с пьедестала. И, преследуемый сворой гончих псов от телевидения, проворно скрылся «за бугром» с целью реализовать себя, например, в сфере пчеловодства. Все дело в том, что эти псы внезапно учуяли коррупционную составляющую в деятельности бывшего святого и его высокочтимой супруги. Также внезапно прозрела и фемида...

Подобных примеров великое множество в отечестве нашем, где повсеместно чтут живых святых больше, чем мертвых. Пока они не нарушат субординацию на олимпе.

Находясь во взвешенном состоянии, Троцкий успел посетить мадридский музей, где с возвышенными чувствами стал приобщаться к испанской живописи. Из этого состояния его вывела мадридская префектура, подвергшая Троцкого аресту. А когда по предложению властей он изложил свои взгляды в помещении префектуры, шеф через переводчика заявил, что ему надлежит немедленно покинуть Испанию, а впредь до этого его свобода будет подвергнута некоторым ограничениям. «Ваши идеи слишком передовые для Испании», – сказал он.

Как позже выяснилось, причиной ареста Троцкого в Мадриде была телеграмма из Парижа: «Опасный анархист... переехал границу у Сан-Себастьяна. Хочет поселиться в Мадриде». Троцкого поместили в мадридскую тюрьму, откуда через несколько дней переправили в Кадис. Там Троцкого известили о намерении испанских властей отправить его ближайшим пароходом в Гавану. Троцкий наотрез отказался плыть на Кубу и предложил отправить его в Америку. После тяжелой борьбы с подключением всех возможных механизмов и полемики в испанских газетах Троцкому разрешили дожидаться ближайшего парохода в Нью-Йорк. 25 декабря 1916 года Троцкий с семьей покидает Испанию и Европу из Барселоны и отправляется в «Новый свет» на испанском пароходе.

«Программа мира»

В завершении этой истории хочу остановиться на так называемой «программе мира», – как ее понимал Троцкий и излагал в ряде статей, опубликованных в 1915–1916 годах в парижской газете «Наше слово», а затем – в брошюре, вышедшей летом 1917 года в Петрограде. Статья также включена в сборник под общим заголовком «К истории русской революции», изданный у нас в 1990 году. «Программа мира» открывает перспективу послевоенного устройства Европы, какой она виделась Троцкому в разгар Первой мировой войны.

Вопрос о том, как покончить с войной на взаимное истребление обсуждался политиками и общественностью европейских стран. Однако повсеместно декларируемое стремление к миру наталкивалось на непреодолимое препятствие: интересы воюющих сторон. И даже публично заявленная позиция достижения мира без аннексий и контрибуций положение не спасала.

При всеобщей разрухе особенно незавидной была судьба малых народов и стран, на территории которых велась война. «Что толку, – пишет Троцкий, – от нейтралитета для Бельгии, в начале войны растоптанной немецкой солдатней, или для «нейтральной Греции», на территории которой сошлись все воюющие армии?».

В 1915 году еврейское население из охваченных боевыми действиями областей «черты оседлости», которую по царским законам оно не смело покидать столетиями, – только на всякий случай из-за никем не доказанного возможного шпионажа в пользу противника выселялось в глубинные области России. Всего было переселено около 900 тыс. человек. Брошены дома, порушено хозяйство. На новом месте нужно начинать новую жизнь – в скудной военной обстановке, в неприязненной среде местного населения. Выселение евреев в ряде случаев сопровождалось грабежами, взятием заложников: с этим народом можно было не церемониться. В то время как полмиллиона солдат-евреев сражалось в составе русской армии, русские войска глумились над мирными еврейскими жителями Галиции, громили и вешали их без разбора. По словам Владимира Жаботинского («Слово о полку»): «На фронте бушевал ядовитый палач и наушник, русский патриот из поляков Янушевич (начальник штаба верховного главнокомандующего – прим. автора) – вешая чуть не десятками еврейских «шпионов», выгоняя целые общины из городов и местечек; на каждой станции толпились голодные, ободранные, босоногие беженцы...». А русский генерал Ранненкампф, подойдя к границам Пруссии, устроил там такие зверские еврейские погромы, какие с трудом припоминает современная история.

Генерал от кавалерии Павел Карлович фон Ранненкампф был расстрелян большевиками в Таганроге в 1918 году.

Поляки, мобилизованные во враждующие армии, западные украинцы и те же евреи были вынуждены убивать своих братьев по крови: одни «за веру, царя и отечество», другие – за императора Франца-Иосифа, кайзера Вильгельма и «Фатерлянд». Таков исторический фон, отражавший судьбу малых народов в этой совершенно чуждой им войне.

Говоря об условиях прекращения войны, Троцкий умозрительно рассматривает три типичных положения:

- решительная победа одной из сторон;
- общее истощение противников при отсутствии решительного перевеса какой-либо стороны;
- вмешательство революционного пролетариата, приостанавливающее «естественное» развитие военных событий.

Развитие сценария по первому и второму вариантам неизбежно завершится аннексиями за счет малых стран и народов. Третий исход предполагает вмешательство международного

пролетариата еще в разгар этой войны, которое парализует и приостанавливает войну сразу. Но этим, по мнению Троцкого, дело не ограничится. Действительное осуществление «мира без аннексий» предполагает во всех случаях могущественное революционное движение пролетариата. Таким образом, будущий лозунг большевиков: «превратим войну империалистическую в войну гражданскую» – возник не на пустом месте и не является словоблудием. К нему подвигла вся история Первой мировой войны и тупиковая ситуация на ее исходе.

Далее Троцкий заключает: «В своей борьбе против империализма пролетариат не может ставить себе политической целью возвращение к старой европейской карте, он должен выдвинуть свою собственную программу государственных и национальных отношений, отвечающих основным тенденциям экономического развития, революционному характеру эпохи и социалистическим интересам пролетариата». По мнению Троцкого, решение этих вопросов невозможно без признания принципа национального самоопределения для каждой национальной группы, в том числе, и права отделения от данного государства, а единственно демократический путь узнать «волю» нации – это референдум.

Однако этот ответ, демократически обязательный, остается чисто формальным, так как ничего не говорит нам о реальных возможностях, путях и средствах национального самоопределения в современных условиях. Принцип национального самоопределения во многих случаях ведет к государственной и экономической децентрализации. Поэтому даже если Европа каким-либо чудесным образом оказалась разбита на законченные национальные государства и государствца, этим бы не был разрешен национальный вопрос.

Социал-демократия хочет и должна в интересах материальной и духовной культуры обеспечить за национальной общностью свободу развития. Именно в этом смысле она переняла от революционной буржуазии демократический принцип национального самоопределения как политическое обязательство. Однако, с другой стороны, пролетариат не может позволить «национальному принципу» стать поперек дороги неотразимому и глубоко прогрессивному стремлению современного хозяйства планомерно организовываться на всем нашем континенте и далее на всем земном шаре.

С точки зрения исторического развития централизующая тенденция современного хозяйства является основной, и за ней должна быть обеспечена полная свобода в форме постройки объединенного мирового хозяйства независимо от национальных рамок и государственно-таможенных застав, подчиненного только свойствам почвы, недр земных, климата и потребностям разделения труда. Иными словами, нужно, чтобы рамки государства, – как хозяйственной, а не национальной организации, – раздвинулись, охватив всю капиталистическую Европу. Предпосылкой самоопределения больших и малых наций Европы является государственное объединение самой Европы. Только под кровлей демократически объединенной Европы, освобожденной от государственно-таможенных перегородок, возможно национально-культурное существование и развитие, освобожденное от национально-экономического антагонизма, на основе действительного самоопределения.

Так возник лозунг «Соединенных Штатов Европы», широко обсуждаемый в свое время в социал-демократической печати. Троцкий пишет, что экономическое объединение Европы, сулящее огромные выгоды производителю и потребителю, становится революционной задачей европейского пролетариата в борьбе с империалистическим протекционизмом и его орудием – милитаризмом. Соединенные Штаты Европы – без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии – являются важнейшей составной частью пролетарской программы мира. Этот лозунг стал бы в настоящих условиях объединяющим и направляющим лозунгом европейской революции.

Реализация лозунга Соединенных Штатов Европы возможна, по мнению Троцкого, только в общеевропейском масштабе путем победоносного общеевропейского революционного движения. Поэтому этот лозунг приобретает огромное значение как политическая фор-

мула борьбы европейского пролетариата за власть. В конечном итоге европейские Соединенные Штаты представляют форму – единственно мыслимую – диктатуры европейского пролетариата. Троцкий вообще сомневается в возможности окончательной победы социализма в отдельной европейской стране при ее капиталистическом окружении. С ним полемизировал Ленин на том основании, что неравномерность экономического и политического развития – есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что победа социализма возможна в одной стране, и поэтому незачем обуславливать созданием Соединенных Штатов Европы диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве.

Кто из них прав в этом споре – рассудила История. По-моему, оба лишь частично правы, но в конечном итоге правее оказался Троцкий. Социализм, – в той форме, которую мы пережили, – в отдельно взятой стране все-таки был построен: в СССР, при капиталистическом окружении. И даже прирастал другими странами, – отнюдь, не добровольно. Казалось уже, что это объединение народов имеет надежную перспективу. Но где оно теперь? Вся конструкция обрушилась за несколько месяцев, как только народы получили свободу выбора.

С другой стороны, можно определенно сказать, что «сбылась мечта революционера», пусть не сразу, а через много десятилетий: Соединенные Штаты Европы образованы и прекрасно развиваются, прирастая новыми европейскими странами. Название этого объединения – «Европейский Союз» – политическое и экономическое объединение стран континентальной Европы на пространстве от Балтики на востоке до Португалии на западе, с общей внешней границей и отменой паспортно-визового режима внутри Союза, с общеевропейским рынком, с единой валютой, с едиными стандартами, унифицированным законодательством, общеевропейским парламентом и отменой таможенных барьеров.

Россия же оказалась за бортом Европейского Союза. По многим параметрам она, увы, не доросла до европейских стандартов. Но главное в том, что ее нынешняя власть никакого объединения с Европой не желает. В рамках ЕС она бы неминуемо утратила свою «суверенность» и несменяемость. И на сегодня, в наступившем 2010 году от рождества Христова, Россия как была, так и осталась на задворках Европы – с отсталой сырьевой экономикой, недоразвитой политической системой, отсутствием правосудия и африканским уровнем коррупции.

Часть II

1917 год

Февральская революция

Февральскую революцию 1917 года можно представить как цепь невообразимых случайностей, как несчастное стечение обстоятельств, следствие чьих-то ошибок. Ее никто не предвидел, никто и не готовил. Она не вздымалась грозно валом забастовок, демонстраций и мятежей по стране, как революция 1905 года. Она разразилась внезапно и обрушилась первоначально только на столицу империи, не затронув другие города и веси. Но, как мы уже договорились, в человеческой истории случайностей не бывает. Разве что – природные катаклизмы, предсказывать которые еще не научились. В истории все взаимообусловлено: нынешние события являются следствием произошедшего в прошлом и причиной событий будущего времени.

Российская монархия, каковой она была, давно уже стала анахронизмом и громоздилась на подгнивших корнях. Крушение самодержавия, как бы к этому не относиться сегодня, было исторически предопределено. Однако именно самодержавие скрепляло многоликую империю, и его крушение означало развал империи.

Россия была втянута в мировую бойню, и уже два с половиной года длилась эта война на взаимное истощение. И конца этому видно не было. К весне готовилось новое наступление русских войск. Но сколько таких наступлений было в прошлом? Все, так или иначе, завершались провалом с десятками и сотнями тысяч убитых и искалеченных. Военные неудачи множили ряды критиков царского правительства, включая офицерский корпус.

В обществе нарастала волна недовольства государем и государыней, ползли слухи, – совершенно необоснованные, – о причастности последней, немки по происхождению, к русским неудачам на фронте. Да и недавняя история с Григорием Распутиным сильно подорвала авторитет царствующей семьи в российском обществе.

Возможно, главным источником вольнодумства и критики режима, не считая либеральных газет, была сама Государственная Дума, вечно фрондирующая с кабинетом министров. Но и сами министры, высочайше многократно сменяемые по тем или иным поводам, ощущали себя на своих постах временными и инициативы не проявляли. Министр внутренних дел Протопопов, отвечавший за порядок в стране, был презираем обществом, как и положено презирать в российском обществе руководителей этого ведомства. Его выдвижение на эту должность, как и многих других руководителей высшего звена, было обусловлено, прежде всего, верноподданническими мотивами и не более того. В критической ситуации он не проявил ни решительности, ни должной инициативы, ни оперативности. Впрочем, подбор кадров по принципу верности престолу – это общая тенденция решения кадровых вопросов в отечестве нашем во все времена.

В Петрограде было много военных – это, главным образом, запасные батальоны полков, сражавшихся на фронтах, это и курсанты военных училищ. Войска находились в подчинении командующего Петроградским военным округом, генерала Хабалова. Среди солдат-запасников немало было и местных, из семей рабочих Петрограда.

А верховная власть – в руках Государя, который находился в Ставке в Могилеве. Семья же его – государыня и пятеро детей – обитала в это время в Царском Селе, причем все дети заболели корью. Это затрудняло переезд семьи во время беспорядков в столице в более безопасное место. Так складывалась ситуация перед началом событий, которые развивались стремительно и непредсказуемо, превзойдя все мыслимые либеральные устремления российского

общества. Эти события подробно описаны в романе А. И. Солженицына «Красное колесо», на который я позволю себе опереться в их кратком изложении.

Все началось в последней декаде февраля с хлебного бунта в Петрограде. Запасов хлеба в столице, как и другого продовольствия, было достаточно: имелись перебои со снабжением локального характера. У хлебных магазинов возникли очереди озлобленных горожан. Как всегда в подобных ситуациях ползли слухи... далее начали громить продуктовые лавки, но власти вовремя не среагировали, растерялись. В городе пошли демонстрации, нарастающие с каждым днем. Участвовали заводские рабочие, но к ним присоединялись и студенты, и интеллигенция, и просто обыватели. Царским указом была неосмотрительно приостановлена деятельность Думы – это подлило масла в огонь.

Войск и полиции в столице было более чем достаточно для подавления любого бунта и в кратчайшие сроки. Однако полиция не справлялась, тем более что приказа стрелять от властей города не поступало, и даже разрешения стрелять в народ, разве что – для самообороны. Все помнили «Кровавое воскресенье» 1905 года, никто не желал повторения этого кошмара. Спонтанно произошло несколько стычек демонстрантов с полицией и посланными ей в помощь войсками, после чего солдаты запасных полков, рота за ротой, начали переходить на сторону народа, вливаясь в ряды демонстрантов. Было разгромлено несколько оружейных складов, солдаты начали убивать своих командиров, и офицерский корпус в столице терял контроль над солдатской массой.

Положение еще можно было спасти, направив в Петроград верные присяге гвардейские полки с фронта, но для этого, как минимум, нужно владеть информацией. Однако телеграммы из столицы приходили в ставку с большим опозданием и противоречили друг другу. Вначале они позволяли надеяться, что все образуется само собой. Но, когда события приобрели совсем уж грозный характер, государь, сам от природы человек нерешительный, тут совсем потерял голову. Вместо того чтобы, имея под рукой армию, лично организовать спасение столицы и империи, где пока еще было спокойно, от нарастающей революции, он бросился в Царское Село – спасти свою семью. После этого он и вовсе утратил контроль над ситуацией в столице.

Другой роковой ошибкой царя было назначение генерала Николая Иудовича Иванова, – который оказался под рукой, – на пост командующего петербургским военным округом вместо генерала Хабалова, с поручением подавить гвардейскими частями беспорядки в столице. Этот престарелый заслуженный генерал от артиллерии, коротавший свой век рядом с государем, уж никак не годился на роль военного диктатора, и данное ему царем поручение не грело душу: если он успешно подавит волнения, то прослышет карателем, и его убьют террористы. И уж, во всяком случае, заклеят общество. А если победят революционеры, то могут и повесить. По этим здравым рассуждениям, основной тактикой своих действий Иудович выбрал промедление: события в Петрограде протекают быстро, может быть, завтра никаких карательных действий и не потребуется. А кто бы мог исполнить эту миссию в сложившейся обстановке? Это должен быть человек масштабов Столыпина: решительный и беспощадный к врагам монархии, верный трону, несмотря на чрезвычайные полномочия. Увы! Николай Иудович обладал только последним качеством и то не в полной мере.

И тут в историю февральской смуты вмешивается еще один случайный персонаж – депутат Государственной Думы, путеец Бубликов. Это был человек, внутренняя энергия которого намного превосходила возможности ее проявления в рутинной обстановке деятельности IV Государственной Думы. Личностей, подобных Бубликову, немало в окружающем нас мире. Но в спокойной обстановке человеческого бытия они, несмотря на свои способности и свойства характера, не могут должным образом проявиться с пользой для себя и отечества, будучи задвинутыми на второй и третий план номенклатурными носителями власти. Так и заканчивают свой век в тихом омуте общественного болота на какой-нибудь ничтожной должности, а

то и спиваются. Но в нестандартной, тем более революционной обстановке, эти индивидуумы могут выдвинуться самым неожиданным образом и даже лично «поругать» Историю.

Именно такой личностью был Бубликов. После временного роспуска Думы царским указом от 27 февраля в Таврическом дворце шло непрерывное собрание растерявшихся думских депутатов – что же делать дальше? Ожидалось движение на Петроград карательных войск – гвардейских частей с фронта, которые однозначно подавят реально небоеспособные запасные батальоны, перешедшие на сторону народа. Изнемогающий от бездействия республиканец Александр Бубликов этого допустить не мог. Он нашел выход: написал себе полномочия от комитета Государственной Думы на занятие министерства путей сообщения и убедил изнуренного непрерывной говорильней председателя Думы Родзянко подписать эти полномочия. Одновременно Родзянко подписал составленный Бубликовым же приказ о занятии министерства путей сообщения. Став, таким образом, временным министром путей сообщения, взамен отставленного, Бубликов получил в свои руки нервный узел Империи – всю телеграфную железнодорожную связь. По этой связи он разослал телеграммы по всей России: «На 250 верст вокруг Петрограда воспрещаю движение всяких воинских эшелонов».

Затем началась охота на царский поезд: ни в коем случае нельзя было допустить проезд царя ни на Москву, ни назад в Ставку, ни даже в Царское Село. Проезд двух царских поездов был, наконец, заблокирован товарными составами на участке между станциями Дно и Бологое; оставалось свободным одно направление – двигаться на Псков, в распоряжение штаба Северного фронта. Но к этому времени царь уже реально был выключен из политической игры, превратившись из субъекта российской истории в ее объект. Все последующие его решения были продиктованы другими людьми и не зависящими от него обстоятельствами, которые заставили его отречься от престола. И это привело к крушению монархии.

Вот перечень наиболее значимых событий февраля и марта 1917 года, потрясших Россию.

27 февраля. Окончание военного противостояния в столице. Гарнизон полностью переходит на сторону восставших. Образование Временного Комитета Думы. Совет министров просит царя о самороспуске, а царь, пренебрегая советами, решает покинуть Ставку и ехать в Царское Село. Образование Совета рабочих депутатов и его Исполнительного Комитета.

28 февраля. Государь едет в Царское Село, сопровождаемый проявлением восторженных чувств его подданных по пути следования двух царских поездов. А в это время в Петрограде арестовывают кабинет министров, включая министра внутренних дел Протопопова.

1 марта. Охота за царскими поездами и их блокирование восточнее станции Дно. Царь прибывает в Псков. Царя вынуждают согласиться на ответственное перед Думой министерство, – чего давно добивалась Дума. Он подписывает манифест, надеясь, что это должно спасти положение. Посланные царской телеграммой войска с фронта – на усмирение Петрограда – остановлены, – чтобы не проливать кровь. Тем временем под напором революционной стихии Дума выдвигает новое требование: добровольного отречения царя от престола.

2 марта. Формирование Временного Правительства. Телеграмма о целесообразности отречения царя в пользу его сына Алексея отправлена из ставки на согласование командующими фронтами. Для спасения Империи и Престола царя убеждают подписать телеграмму об отречении в пользу царевича Алексея при регентстве. Приезд думских депутатов Гучкова и Шульгина в Псков. Царь, вопреки советам депутатов, изменяет текст отречения – теперь в пользу брата Михаила. Арестованных царских министров препровождают в Петропавловскую крепость.

3 марта. Великий князь Михаил не принял царскую корону. Россия – республика, – до Учредительного Собрания. Бывший царь Николай II возвращается в Ставку.

4 марта. Убийство матросами командующего Балтфлотом адмирала Непенина, признавшего власть Временного правительства. Адмирал Колчак призывает Верховного главнокоман-

дующего Великого князя Николая Николаевича для спасения Державы объявить себя Диктатором. И предоставляет в его распоряжение Черноморский флот. Предложение Великим князем отклонено.

5 марта. Совет рабочих депутатов требует ареста царя и царской семьи.

6 марта. Переговоры члена Временного правительства Милюкова с английским послом, сэром Бьюкиным, о возможности отъезда царской семьи ради ее спасения в Англию, в гости к королю Георгу – двоюродному брату бывшего царя. Получена сочувственная телеграмма от короля Георга, но без приглашения... а Совет давит на правительство: царя немедленно арестовать.

7 марта. Бывший царь, находясь в Ставке в Могилеве, пишет последнее обращение к войскам. Просит повиноваться Временному правительству и довести войну с Германией до победного конца. А Временное правительство шлет в Ставку шифровку о его аресте.

8 марта. Бывший царь в Ставке прощается с армией. Его арест и препровождение на царском поезде в Царское Село. Монархия в России пала.

Так бесславно закончились дни 300-летней Романовской монархии. Февральская революция прошла малой кровью и была встречена российским обществом «на ура», о чем писали газеты разного толка: социалистические и буржуазные, левые и правые. Ее результатом стало двоевластие, в котором государственная власть в лице Временного правительства отвечала за все, но реально ничего не могла без санкции Совета рабочих и солдатских депутатов, руководимого его Исполнительным Комитетом. А сам Совет ни за что не отвечал, однако навязывал правительству решения, которые оно никогда бы не приняло по собственной воле. Одним из таких решений был арест царской семьи.

Но и поведение Совета часто бывало вынужденным и в немалой степени подчинялось инстинктам революционной толпы, имевшей в те дни реальную власть на улицах Петрограда. Эта толпа и совершала самосуды: немало достойных офицеров армии и флота пали ее жертвами, не говоря уже о жандармах и городских, многие из которых попрятались и сменили обличье.

В ходе свершившейся революции были:

- открыты тюрьмы и политические заключенные (уголовные тоже) вышли на свободу. Уголовники тут же принялись за прежнее ремесло;
- упразднены все сословные и национальные ограничения, все граждане России уравнены в правах;
- явочным порядком учрежден восьмичасовой рабочий день;
- упразднена жандармерия, полиция заменена народной милицией;
- отменена смертная казнь;
- принята декларация «прав солдат» и учреждена выборность командиров, что в конечном итоге привело к развалу воинской дисциплины. Армия потеряла боеспособность, и Россия оказалась реально неспособной продолжать войну, чего от нее требовали союзники.

В российском обществе под звуки «Марсельезы» воцарилась небывалая, неслыханная доселе свобода, повсеместно окрашенная в красный цвет. Но абсолютная свобода в таком традиционно авторитарном государстве, каковым была Россия, должна завершиться абсолютной несвободой. Дальнейшая история показала, как это произошло. А пока все были счастливы, – или представлялись таковыми, – и едины в своих республиканских настроениях. Разрешение вопросов окончательного устройства российского государства откладывалось до созыва Учредительного Собрания, на которое все возлагали надежды – и либералы, и государственники, и социалисты, и «националы», и прочие граждане страны.

Троцкий возвращается в Россию

По признанию Троцкого, единственной его профессией в Нью-Йорке была профессия революционного социалиста. Он печатался в русской газете «Новый мир», читал доклады на русском и немецком языках, выступал на митингах. Соединенные Штаты под неумолкающий хор пацифистов готовились к войне в Европе, чтобы с наименьшими для себя потерями решить ее исход в свою пользу. «Известно, – замечает Троцкий, – что для пацифистов война является врагом только в мирное время». Все они заканчивали свои речи обещанием поддержать войну, если она станет необходимой. Наконец, 3 февраля 1917 года произошел долгожданный разрыв дипломатических отношений с Германией...

В редакции газеты «Новый мир» уже сотрудничали Бухарин, Володарский, – убитый впоследствии эсерами под Петроградом, – и Чудновский, – раненый под Петроградом и убитый затем в Украине.

С первых же вестей о перевороте в Петрограде весь многоплеменный рабочий Нью-Йорк был охвачен волнением. На некоторое время редакция газеты «Новый мир» стала в фокусе всей нью-йоркской печати. Из социалистических редакций и организаций звонили непрерывно. Вот как Троцкий описывает типичный диалог с местными социал-демократическими газетами:

– Пришла телеграмма о том, что в Петербурге министерство Гучкова – Милюкова. Что это значит?

– Что завтра будет министерство Милюкова – Керенского.

– Вот как! А потом?

– А потом – потом будем мы.

– Ого!

В это никто не верил, и слова Троцкого принимали как шутку. На собрании почтенных русских социал-демократов Троцкий доказывал неизбежность завоевания власти «партией пролетариата» на второй стадии русской революции. Это, по его словам, производило примерно такое же действие, как камень, брошенный в болото, населенное чванливыми и флегматичными лягушками.

Больше в Америке делать было нечего, пора возвращаться на родину. Спешили выехать с первым пароходом. 25 марта были улажены все формальности и получены документы, пригодные для проезда в Россию. В британском консульстве в Нью-Йорке Троцкому было заявлено, что со стороны английских властей не будет никаких препятствий их отъезду. 27 марта Троцкий с семьей и несколькими соотечественниками отплыли из Нью-Йорка на норвежском пароходе «Христианиафиорд». Провожали их с цветами и речами. Однако идилия триумфального возвращения на родину скоро закончилась. В канадском Галифаксе, где пароход подвергся досмотру английскими военно-морскими властями, полицейские офицеры подвергли русских эмигрантов прямому допросу: «каковы ваши убеждения, политические планы» и пр. На эти вопросы Троцкий отвечать отказался на том основании, что внутренняя русская политика не стоит пока под контролем британской морской полиции.

Однако он, очевидно, ошибался. 3 апреля на борт парохода явились английские офицеры в сопровождении матросов и насильно ссадили на военный катер Троцкого с семьей и еще несколько человек. Его жену и детей оставили в Галифаксе, а остальных доставили по железной дороге в лагерь в Амхерсте, где содержались немецкие военнопленные. Здесь же, в конторе лагеря всех подвергли унижительному обыску. Причину задержания пленные узнали от коменданта лагеря: «Вы опасны для нынешнего русского правительства, и вы опасны для союзников вообще». Не знаю, как обстояло дело с другими задержанными, но относительно Троцкого комендант определенно не ошибся: еще как опасен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.